

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Убийственный ВОЗРАСТ

Полное
погружение
в атмосферу

эпохи

80-х

ГЕННАДИЙ
СОРОКИН

Детектив-ностальгия

Геннадий Сорокин
Убийственный возраст

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Убийственный возраст / Г. Г. Сорокин — «Эксмо»,
2021 — (Детектив-ностальгия)

ISBN 978-5-04-118096-6

Переступая порог чужой квартиры, десятиклассник Сергей даже не думал, что переходит опасную черту, которая поделит его жизнь на «до» и «после». Всего-то и хотелось, что узнать, кто посягнул на их спокойную семейную жизнь. Но то, что он увидел в злополучном доме, потрясло молодого человека. Пачки денег, импортные шмотки, запас дорогого спиртного – честному человеку такое не по карману. А дальше все случилось как в тумане... И вот уже вся городская милиция сбилась с ног, составляя планы по поимке опасного преступника, не весть откуда взявшегося в спокойном сибирском городе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118096-6

© Сорокин Г. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	12
3	16
4	20
5	24
6	29
7	33
8	38
9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Геннадий Сорокин

Убийственный возраст

© Сорокин Г.Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

В среду, 17 ноября 1982 года, телефон в кабинете инспекторов уголовного розыска Ленинского РОВД зазвонил около девяти утра.

– Проснулись! – недовольно проворчал инспектор Лукьянов. – Ни свет ни заря, а кто-то уже названивает. Не дай бог из дежурки! На улице мороз за тридцать градусов. На происшествие ехать совсем неохота.

Кашлянув в кулак, Лукьянов поднял трубку.

– Милиция, – официальным тоном представился он.

Помолчав пару секунд, Лукьянов положил трубку и сказал:

– Игорь Ефремов, тебя к начальнику РОВД вызывают.

– Ты ничего не натворил? – встревоженно спросил коллегу Буторин, прокурорный ветеран сыскного дела.

– Когда бы я успел? – нахмурился Ефремов. – Вчера до позднего вечера работали. Пришел домой – лег спать. Утром на работу. Понятия не имею, зачем я начальнику сдался.

– Просто так Балагуров вызывать не будет, – позевывая, высказал свое мнение Лукьянов. – Ты на прошлом дежурстве ничего не учудил?

– Да нет же, черт возьми! Нет за мной грехов. Я чист, как ангел после бани.

Игорь подошел к мутному зеркалу, скептически осмотрел себя.

«Сколько раз хотел принести галстук на работу и все забываю, – недовольный собой, подумал он. – Придется идти к Балагурову одетым как колхозник. Хорошо было при старом начальнике. Он на внешний вид подчиненных внимания не обращал, а новый, говорят, в этом деле строг. Девчонкам из секретариата запретил приходить на работу в коротких юбках».

За неимением галстука Ефремов застегнул верхнюю пуговичку на воротнике рубашки.

«Так лучше будет», – решил он.

– Ну, я пошел. – Игорь одернул пиджак и сделал шаг к двери.

– погоди, дай я посмотрю на тебя, – остановил его Буторин. – Признавайся: вчера не бухал?

– Непохоже, – пробурчал со своего места Лукьянов.

– Иногда бывает непохоже, а от человека за версту перегаром несет. Но тут вроде бы все в порядке: глаза ясные, дыхание свежее. Ты точно не знаешь, зачем тебя на ковер вызывают?

Ефремов демонстративно взглянул на часы и пошел к выходу.

– Стоп! – вновь остановил его Буторин. – Ты куда без ежедневника? К начальнику надо заходить с деловым видом, а ты отправился к нему как к завхозу за копировальной бумагой. Где твой ежедневник? До сих пор не купил?

– Возьми мой, – протянул потрепанный блокнот Лукьянов. – Если что, открой его на чистом листе и делай записи с умным видом. Чертиков только не рисуй. А то я дал Семену блокнот на совещание сходить, он мне в нем такую похабщину нарисовал, пришлось два листа вырвать.

Приготовившись к встрече с начальством, Ефремов спустился на второй этаж райотдела. У стенда с портретами членов Политбюро ЦК КПСС он на секунду остановился.

«Что-то тут не так, – подумал Игорь. – Ага, догадался! Вместо Брежнева в центр Политбюро поместили портрет Андропова, а бывшее его место пока пустует. Не успели нового члена Политбюро избрать или наш парторг ушами прохлопал?»

Начальник районной милиции был в кабинете не один. За приставным столиком, справа от Балагурова, сидел замполит отдела Владимирова, слева – начальник уголовного розыска Абрамкин, непосредственный шеф Ефремова. Судя по лицам, между замполитом и Абрамкиным был жесткий диспут, и главный сыщик отдела остался в проигрыше.

Не отрываясь от телефонного разговора, Балагуров показал Игорю на место рядом с Абрамкиным. Пока начальник РОВД отчитывался кому-то о нераскрытой краже, все присутствующие в кабинете молчали. От нечего делать Ефремов стал рассматривать бумаги на столе начальника и обомлел: прямо перед Балагуровым лежал доклад, подготовленный Игорем для выступления в областном УВД на конференции молодых инспекторов уголовного розыска.

«Черт возьми, как мой доклад оказался здесь? Я же его лично отвез на проверку в городское управление милиции».

Ефремов всмотрелся в переплетенные наподобие школьного реферата листы ватмана. Без сомнения, это был его доклад под названием «Меры по усилению оперативной работы среди несовершеннолетних».

Пожелав собеседнику всего наилучшего, Балагуров закончил разговор, достал из ящика стола сигареты, закурил.

– Кто начнет? – спросил он.

– Николай Борисович, вы ознакомились с писаниной этого умника? – спросил замполит.

– Некогда мне было, – недовольным тоном ответил Балагуров. – Я вторую неделю в должности, дел – невпроворот, а тут какой-то доклад. Что в нем такого написано, что вы без моего участия разобраться не можете?

– Разобраться-то мы можем, но я считаю, что докладу Ефремова надо дать принципиальную оценку на самом высоком уровне. Олег Гаврилович, – замполит кивнул на начальника уголовного розыска, – за молодыми сотрудниками не следит, вот они и изгаляются над здравым смыслом. Ефремов, благодари бога, что твой пасквиль вовремя перехватили. Если бы о нем узнали в областном политуправлении, мы бы сейчас все по выговору получили. Я – по партийной линии, а вы – по служебной.

– Я не считаю, что мой доклад – пасквиль, – негромко, но твердо возразил Ефремов. – Я написал в нем то, над чем размышлял не один год.

– Ты сколько работаешь в милиции? – недоверчиво покосился на Игоря Балагуров. – Какой «не один год»? Ты что, стал продумывать тезисы этого доклада в начальной школе?

– Николай Борисович, в уголовном розыске я работаю второй год, с августа 1981 года, но вводную часть этого доклада я мог бы написать и перед армией.

– Так у тебя с юности голова антисоветчиной забита! – сказал замполит тоном следователя, наконец-то уличившего преступника в отсутствии алиби. – Я-то думаю, где ты такой ереси успел нахвататься, а ты, оказывается, на областную конференцию приготовил квинтэссенцию своих юношеских комплексов и страхов?

– Все, что написано в докладе, – правда, и я от своих слов отказываться не собираюсь, – твердо заявил Игорь. – Чтобы успешно работать с трудными подростками, надо смотреть на жизнь с их позиции, снизу, а не сверху.

– В его докладе есть здравые мысли, – впервые подал голос Абрамкин.

– Какие? – встрепенулся Владимир. – Ты сам-то читал эту дребедень или на его наставника свою работу свесил? Кстати, кто у Ефремова наставник? Буторин?

– У меня мало времени, – прекратил начинающийся спор начальник милиции. – Кто мне объяснит суть вопроса?

– Давайте я, – предложил Игорь.

– Начинай. – Балагуров через стол перекинул ему текст доклада. – Постарайся быть кратким. Вступление о политической обстановке в стране и мире можешь пропустить.

Ефремов перевернул доклад титульным листом вниз, достал из кармана авторучку, нарисовал на обложке несколько квадратов и начал:

– Чтобы разобраться в проблемах современной молодежи, особенно юношей допризывного возраста, надо посмотреть на жизнь подросткового социума изнутри, а не с позиции взрослого семейного мужчины.

– Я даю тебе десять минут, – воспользовавшись секундной паузой, вставил начальник милиции.

Честно говоря, спешить ему было некуда, но перед подчиненными, особенно в первые дни работы, полковник Балагуров обязан был выглядеть очень занятым человеком.

– Я улочусь, – заверил Ефремов.

Спросив разрешения, в кабинет вошла секретарь начальника РОВД, молча поставила перед ним стакан чая с лимоном и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Абрамкин, чтобы не встречаться глазами с Владимировым, стал рассматривать схему, нарисованную Игорем.

«Если бы наш замполит не рвался на вышестоящую должность в областном УВД, мы бы сейчас не сидели тут как дураки и не выслушивали от желторотого юнца прописные истины, – подумал он. – Что может нового рассказать Ефремов? Что молодежь в городе давно вышла из-под контроля? Так это и так все знают».

– В нашем областном центре пять районов, – продолжил Ефремов. – Другого административно-территориального деления не предусмотрено. Пять районов – это если смотреть на территорию города сверху, например, из этого кабинета, а если посмотреть на город снизу, то все окажется совсем не так. Снизу наш областной центр разбит на десятки микрорайонов, со своими порядками и внутренним устройством. Рассмотрим, для примера, наш Ленинский район. У нас двенадцать микрорайонов, в центре каждого стоит средняя школа.

– У нас, вообще-то, тринадцать школ, – заметил Владимиров.

– Двадцать первая школа с физико-математическим уклоном является общегородским центром подготовки учащихся к поступлению в технические вузы. В ней учатся дети со всего города, так что на жизнь молодежи Ленинского района эта школа никакого влияния не оказывает. У нас в районе также есть три ПТУ, два техникума и сельскохозяйственный институт. В них обучается несколько тысяч человек, но все они для нашего района интереса не представляют, так как по вечерам все учащиеся и студенты разъезжаются по домам.

– Как насчет общежитий ПТУ, института и техникумов? – заинтересовался проблемой Балагуров.

– Общежития – это анклав, проживающая в них молодежь варится в собственном соку. Практически никто из проживающих в общежитии контактов с местной молодежью не поддерживает.

Ефремов покосился на пепельницу, но ни закурить, ни придвинуть ее к себе не решился.

– Основными признаками государства являются территориальность и население, – продолжил он. – С точки зрения подростков, любой микрорайон – это крохотное государство, границы которого проходят по улицам, очерчивающим периметр микрорайона. Населением этого государства являются все лица мужского пола от двенадцати-тринадцати лет и до призыва в армию. Служба в армии – это отсечка в жизни любого мужчины. До нее он – шпана, после службы – самостоятельный рассудительный мужчина. Отслужив в армии, парни отдаляются от уличной жизни навсегда. Они устраиваются на работу, женятся и перестают интересоваться событиями, которые происходят в их собственном дворе. Философский закон «Отрицания отрицания» – бывшая шпана начисто отрицает проблемы шпаны нынешней. Исключения в этом круговороте есть. Наглядный и самый яркий пример – Турист. Отслужив в армии, он от уличной жизни не отошел и сейчас является предводителем всех подростков в Волгоградском микрорайоне. Еще исключения – это лица, осужденные в несовершеннолетнем возрасте и не вставшие на путь исправления. Но они после освобождения живут не по законам уличной жизни, а по законам и обычаям преступного мира.

Ефремов глубоко вздохнул, перевел дух и дерзко попросил:

– Николай Борисович, можно, я закурю, а то во рту пересохло.

– Кури, конечно, – согласился начальник РОВД.

Замполит подвинул молодому коллеге пепельницу и сам достал пачку «Беломора». Подражая старым партийцам, прошедшим революцию и адский труд первых пятилеток, на людях Владимиров исповедовал аскезу и курил исключительно папиросы. Наедине или в кругу семьи замполит предпочитал болгарские сигареты с фильтром. Начальник райотдела в имидже скромного партработника не нуждался. Он курил дорогие сигареты «Космос» в твердой упаковке. Не «Мальборо», конечно, но для подполковника милиции – в самый раз.

– Вернемся к признакам государственности, – выпуская табачный дым под стол, продолжил Ефремов. – Любое государство не может существовать без законов, регулирующих его внутреннюю жизнь, и управленческого аппарата, который следит за исполнением этих законов. Посмотрим на жизнь подростков изнутри. Вся она жестко регламентирована «уличными» законами, за нарушение которых предусмотрено жесткое наказание. Некоторые законы не содержат ничего предосудительного. Нельзя, например, бросить товарища в трудную минуту или предать его. Другие законы идут вразрез с Уголовным кодексом. К примеру, любой чужак, зашедший на территорию твоего микрорайона, должен быть изгнан с применением физической силы. Другими словами, если заметил парня не из своего микрорайона, ты обязан надавать ему тумаков. Чтобы он не шлялся где не просят.

– Ефремов, – перебил Игоря замполит, – если вдуматься, что ты говоришь, то ни школа, ни комсомол не играют никакой роли в жизни молодежи.

– Школа заканчивается за порогом школы, а комсомол – он действительно не играет никакой роли в жизни подростков. Приведу простой пример: спросите любого школьника старших классов, как фамилия первого секретаря Ленинского райкома ВЛКСМ? На этот вопрос вам не ответит никто. А если вы спросите о лидерах молодежных группировок, то тут кличками будут сыпать, как горохом из ведра, и назовут вам не только всех местных авторитетов, но и из соседних микрорайонов припомнят. Вот об этих-то неформальных вожаках молодежи и был написан мой доклад. Именно они, а не комсомол правят балом и определяют, чем будет заниматься подрастающее поколение в свободное от учебы время.

Ефремов немного помолчал, затушил сигарету и продолжил:

– По моим наблюдениям, уличная жизнь в последние годы стремительно криминализируется. Если раньше вторгшемся в твой микрорайон чужаку просто били физиономию, то сейчас обязательно снимут шапку и вывернут карманы. Потерпевший, естественно, жаловаться никуда не пойдет: уличные законы запрещают любое доносительство. Лишившись шапки, этот подросток пойдет мстить и снимет головной убор с кого-нибудь другого – и так до бесконечности. Ограбили тебя у магазина – собери дружков, подкарауль чужака и вытряхни из него всю мелочь.

– Это везде так, по всему району? – уточнил Балагуров.

– Есть исключения. На территории Волгоградского микрорайона, там, где «правит» Турист, уличные грабежи происходят крайне редко. Любой пьяный с наступлением темноты может пройти по самым темным закоулкам, не боясь, что с него снимут шапку или шарф. В районе шестьдесят второй школы такой номер не пройдет. Там каждый вечер за пьяными идет охота.

– Турист – он... – Начальник милиции вопросительно посмотрел на Ефремова.

– Лидер новой формации, – пояснил молодой инспектор. – К Волгоградскому микрорайону примыкает стоянка такси, где после закрытия винных магазинов спекулируют водкой. В магазине бутылка «Пшеничной» стоит пять рублей тридцать копеек, после восьми часов, с рук – десятку. С каждой нелегально проданной бутылки Турист взывает дань – один рубль. Перечить ему никто не смеет – ни таксисты, ни спекулянты. Если кто-то посмеет воспротивиться его воле, он тут же бросит десяток-другой разгоряченных вином подростков, и они любого отметелят так, что мало не покажется. Уличные грабежи Турист запретил, чтобы не привлекать к своему микрорайону внимания. И еще, на мой взгляд, ему просто нравится быть фак-

тическим правителем целого микрорайона. Своими запретами он как бы показывает жителям улицы Волгоградская: «Смотрите – это я навел порядок в наших дворах. Если меня не будет – побоитесь детей вечером в булочную посылать». Все ведь по вечерам начинается. Днем любой подросток может безопасно пройтись по любому чужому микрорайону, а вот вечером, когда молодежь начинает в стаи сбиваться, тут – да, тут углубиться в чужие дворы мало кто рискнет.

– Этот Турист взят в разработку? – спросил Балагуров начальника розыска.

Абрамкин отрицательно покачал головой:

– Формально гражданин Игнатов по кличке Турист не совершает ничего противозаконного. Двадцатисемилетний мужчина все вечера проводит в кругу подростков, о чем-то говорит с ними, некоторых приглашает к себе домой послушать музыку, обменивается с ними кассетами с записями популярных ансамблей. Что в его действиях преступного? Ничего. Мы не имеем законных оснований заводить на него дело оперативной проверки.

– А ты что думаешь по этому поводу? – обратился Балагуров к Игорю.

– Мое мнение такое: и Туриста, и других лидеров молодежных группировок надо окружить нашей агентурой, тогда все их действия будут у нас под контролем.

– Ты кого вербовать собрался? Несовершеннолетних? – удивился начальник милиции. – Олег Гаврилович, у тебя что, Ефремов не знает, что вербовать несовершеннолетних запрещено?

Игорь, опережая начальника, поспешно ответил:

– Вербовать запрещено, а преступления им совершать можно?

– Так у тебя об этом доклад написан? – нахмурился Балагуров. – Ты ничего другого не выдумал, как предлагать дурацкие изменения в ведомственные приказы о порядке проведения оперативно-розыскной деятельности?

– Я это обтекаемо написал, общими словами, – стал оправдываться Ефремов. – Мы должны смотреть на реалии жизни так, как они есть.

– Теперь, позвольте, я выскажусь, – решительно вступил в разговор замполит. – Из доклада Ефремова следует, что у нас по вечерам молодежь живет не по нашим, советским законам, а по каким-то вымышленным уличным правилам. Я считаю, что доклад Ефремова – это политическая провокация. Он, опираясь на свой подростковый опыт, выдумал каких-то лидеров, какие-то мифические квазигосударства и теперь пытается нам навязать свои бредовые идеи.

Владимиров на секунду прервался, подбирая более хлесткие выражения. Начальник уголовного розыска не замедлил воспользоваться паузой и вступился за подчиненного:

– Сергей Викторович, не надо возводить на Ефремова напраслину и искать в его словах двойной смысл! Игорь Павлович ничего антисоветского в своем докладе не написал. Его мнение, безусловно, ошибочное, но нашу советскую действительность не очерняет. Он указал на некоторые негативные факты в нашей действительности, но это не подрывная деятельность, а попытка исправить положение.

– Вот бы он «поправил» нас, если бы в областном управлении с его докладом ознакомились! – воскликнул замполит. – Ты представляешь, что генерал сделал бы с нами, если бы узнал, что у нас в районе подростки не на комсомол равняются, а на криминальную шпану?

– Сергей Викторович, – забыв о субординации, вмешался в спор Ефремов, – я против партии ни слова не сказал, но есть тревожные тенденции, на которые не стоит закрывать глаза. Спросите у любого подростка, который не силен в географии, что такое «Швейцария»? Вам ответят, что так называется микрорайон между проспектом Ленина и бульваром Машиностроителей. Пять-шесть лет назад такого названия еще не существовало, а сейчас мы опрашиваем потерпевшего, взрослого мужчину, и он на вопрос о месте проживания, не задумываясь, отвечает: «Швейцария». Потом спохватился и назвал правильный адрес. Три года назад в микрорайоне двадцать первой школы лидером молодежи был некто Ковалев по кличке Коваль. Из

армии в наш город он не вернулся, подался на БАМ, а микрорайон неофициально как назывался «Ковский», так и теперь называется. Это что, не тенденция? Я считаю: чтобы бороться с возрастающей криминализацией молодежи, на жизнь подростков надо смотреть их глазами, а не из окон райкома комсомола.

– Чего-чего? – не понял Владимиров.

– У нас, Сергей Викторович, вся молодежь состоит в комсомоле, только по вечерам на одежде комсомольские значки никто не носит и устав ВЛКСМ не соблюдает. Любой подросток, кто не будет соблюдать уличные законы, тут же превратится в изгоя, в белую ворону. Представьте ситуацию, что тот же Турист объявит завтра войну соседям и прикажет всем подросткам выйти на тропу войны. Вы думаете, кто-то откажется принять участие в предстоящей массовой драке? Ни один человек не осмелится его послушаться. Кто не пойдет кулаками махать, того объявят трусом, и он будет опозорен на долгие годы. Трусу, не постоявшему за честь своих дворов, никто руки не подаст. С трусом ни одна девчонка дружить не будет. Кто после этого Туриста послушается? Человек не может жить вне социума, а в молодежном социуме порядки устанавливают лидеры дворовых группировок. Куда они поведут подростков завтра, туда они и пойдут. Если мы не поставим под свой контроль деятельность уличных вожakov, то не будем владеть обстановкой в районе. Законно или не совсем законно, но мы должны иметь в окружении уличных авторитетов своих информаторов.

Замполит приготовился что-то возразить, но начальник милиции хлопнул ладонью по столу.

– Подведем итоги! – властно сказал он. – Доклад Ефремова написан с профессиональной точки зрения безграмотно, но никакой политически вредной подоплеки я в нем не вижу. Игорь Павлович из неправильных посылок сделал неправильные выводы, только и всего. А посему поступим так. Ты, Олег Гаврилович, проверь у Ефремова все оперативные дела, выяви вопиющие недостатки и доложи мне об этом рапортом. Я за эти недостатки объявлю ему выговор. За доклад мы его наказать не можем, так как автоматически встанет вопрос, что это был за доклад и что в нем написано, а за упущения в повседневной работе мы его накажем. Все согласны? Сор из избы выносить не будем, ни к чему это... Так, что еще? Кто у Ефремова наставник? Буторин? Ему от моего имени устный выговор, а тебе, Олег Гаврилович, устное замечание. Ефремова от работы с несовершеннолетними отстранить, линию по работе с несовершеннолетними преступниками передать Буторину, дабы он не считал наставничество пустой формальностью.

Пока Балагуров раздавал наказания, замполит согласно кивал каждому его слову. Как только начальник замолчал, Владимиров дополнил его решение:

– Я предлагаю текст доклада уничтожить, и впредь...

– Совещание закончено! – прервал его Балагуров. – Вопрос закрыт. Все свободны.

2

Выйдя от начальника РОВД, Абрамкин позвал молодого коллегу к себе – поговорить один на один.

– Знаешь такую поговорку: «Страна нуждается в героях, рожают бабы дураков»? – спросил Олег Гаврилович. – Объясни мне: кому ты хотел глаза открыть, областным чинушам? Кому надо, те правду и без тебя знают, а кто в облаках витает, того ты на землю своей писаниной не спустишь.

У двери своего кабинета Абрамкин остановился, полез в карман за ключами, заметил идущего навстречу Лукьянова.

– Виталий Евгеньевич, через двадцать минут Буторин пусть зайдет ко мне. Мы с Игорем для него подарочек приготовили... Заходи, новатор!

В крошечном кабинете начальника уголовного розыска посетители могли расположиться только на двух стульях, стоящих у стены напротив платяного шкафа. Ефремов по привычке сел поближе к начальнику.

– Объясни мне, как твой доклад попал в вышестоящие инстанции, минуя меня? – спросил Абрамкин.

– Ко мне пришла Беленок из отдела кадров и говорит, что я, как молодой специалист, должен подготовить доклад на областную конференцию. Я спросил у Буторина, надо ли с кем-то согласовывать его. Он говорит: «Не надо. Твою писанину все равно ни один дурак читать не будет. Кому нужны эти доклады». Вот и все. Я написал, отвез в отдел кадров городского управления и даже не думал, что он к нам вернется.

– Ты в докладе ничего лишнего не написал?

– В тексте все изложено в общих чертах. Ни об агентуре, ни о сравнении микрорайонов с государствами там нет ни слова. Комсомол я, кстати, тоже не упоминал. Это замполит о нем разговор завел, а я от партийно-идеологических дел стараюсь держаться подальше. Олег Гаврилович, с чего это сегодня Владимир как с цепи сорвался? Нормальный же мужик был, даже анекдоты про Чапаева рассказывал.

– Сергею Викторовичу предложили перейти в областное политуправление. Сам понимаешь, работа не пыльная: сиди, бумажки подписывай, планы воспитательной работы составляй. А тут ты нарисовался с правдолюбским меморандумом. Нашел ведь время, когда высунуться! Ты, Игорь, телевизор смотришь, газеты читаешь? Ты знаешь, кто у нас теперь во главе государства? То-то!

– Я доклад еще до смерти Брежнева написал... Олег Гаврилович, ну и что, что Генеральным секретарем Андропова избрали? Он что, теперь террор наводить начнет?

– Андропов с 1960-х годов возглавлял КГБ. Он чекист до мозга костей и нас, ментов, за своих соратников не считает. Он по природе своей везде измену ищет, а тут ты с публичным выступлением: «Посмотрите, люди добрые! У нас в районе как сумерки наступают, так советской власти кранты приходят!» Ты ничего умнее придумать не мог?

– Что за страна у нас, никому правду сказать нельзя! – с сожалением выдохнул Ефремов. – Хотел я намекнуть, что не надо прятать голову в песок, а в итоге на выговор нарвался.

– Про какую правду ты толкуешь, Игорь? – удивился Абрамкин. – Ты что, первый день на свете живешь? Не мы с тобой установили правила, и не нам их менять. Считает партия, что все у нас хорошо, значит, так оно и есть. Ты запомни: партия всегда права.

– Да знаю я это, знаю! Партия – наш рулевой. Куда она повернет, туда и пойдем, как стадо баранов.

– Что ты сказал? – засмеялся Абрамкин. – А ну, повтори еще раз!

– Дружной сплоченной массой мы пойдем к победе коммунизма. Я, Олег Гаврилович, политически правильно говорить умею, только не люблю я этот обезьяний язык. Если надо на комсомольском собрании выступить, то я могу. Ни одного слова неверного не скажу. А тут...

– Запомни, настало время, когда и «тут», и «там» за каждым словом надо следить. Закончилась брежневская вольница! Закрутит сейчас Андропов гайки, мало не покажется. Но хватит о политике! Поговорим о делах. У тебя по молодежным авторитетам письменные материалы есть?

– Картотека на восемнадцать человек, записи бесед с кандидатами на вербовку, кое-какие наброски по разработке Туриста... Олег Гаврилович, мне что, все материалы Буторину передавать? Год труда, год бессонных ночей псу под хвост!

– Не хлопай крыльями, все равно летать не умеешь. У тебя есть агент-пустышка?

– В любой момент заведу. Алкашей в нашем районе хватает.

– Заведи «пустышку», но только выбери безобидного алкаша, чтобы он тобой прикрываться не начал и языком не трепал где не просят. Вся информация в отношении лидеров молодежных групп оформи агентурными сообщениями от его имени.

– Какой-то суперагент получится: по всем группировкам шныряет, со всеми авторитетами водку пьет... Олег Гаврилович, а если наш куратор из областного управления захочет с ним встретиться и проверить информацию?

– Составишь справку, что агент заболел, ушел в запой, уехал к родственникам в дальнюю деревню. У тебя что, фантазия плохо работает? Как доклады писать, так ты мастер, а как на благо Родины поработать, так у тебя застой в мозгах начинается? С агентом все понял?

– Завтра же оформлю вербовку. Есть у меня на примете хороший человек. Инвалид второй группы. Целыми днями дома сидит, дешевенькое винцо попивает. Предположим, к нему на огонек шпана стекается и по пьяной лавочке свои секреты выбалтывает.

– Отлично! Сегодня же проработай детали, принеси план вербовки мне на утверждение и завтра же приступай к работе.

– Олег Гаврилович, так меня реально от линии малолеток отстраняют?

– Будь моя воля, я бы все оставил так, как есть, но – замполит! Он же проверит, перераспределили мы обязанности или нет. Не будем собак дразнить. Завтра передашь все официальные материалы своему наставнику, а все, что ты наработал в инициативном порядке, оформишь донесениями нового агента. Так, что еще? О, доклад! У меня и замполита окна выходят во двор. Сейчас сходи к старшине, возьми у него какое-нибудь дырявое ведро и сожги свой доклад в этом ведре вон там, во дворе, у склада с изъятой мототехникой.

– С выговором мне тоже все реально? – обреченно спросил Ефремов. – Скоро Новый год, всем премии раздавать будут...

– Я куплю тебе сто граммов карамелек, чтобы ты не плакал.

– Что за жизнь! – вздохнул молодой инспектор. – Ни за что ни про что, на ровном месте выговор схлопотал! Кто бы подсказал, где правду искать?

– Правду? – удивился Абрамкин. – «Правда» – это газета, она в киосках «Союзпечати» продается. Купи, почитай, там про все и про всех написано. Ты, Игорь, запомни, правды одной на всех не бывает, она у каждого своя. Ты свою правду оставь при себе, а то она тебя не до выговора, а до уголовной статьи доведет. Ты меня понял? Про ведро все уяснил? Пойдешь доклад жечь, загляни ко мне, а я до замполита прогуляюсь, отрапортую ему, что идеологически вредную писанину мы уничтожили. Так, что еще? С заключением служебного расследования не тяни. Выяви у себя недостатки и оформи их рапортом от моего имени.

Широко распахнув дверь, в кабинет вошел ничего не понимающий Буторин.

– Олег Гаврилович, вызывал?

Ефремов представил, как через несколько минут его наставник взорвется праведным гневом, и от греха подальше пошел в подвал к завхозу за ведром.

В тот же день, поздним вечером, начальник РОВД вызвал Абрамкина к себе.

– Рюмочку коньяка не желаешь? – спросил Балагуров, открывая шкафчик с посудой.

– Не откажусь!

Перед назначением на должность начальника милиции Ленинского района областного центра Балагуров поинтересовался у знакомых, кому можно доверять на новом месте работы. Друзья-приятели единодушно заверили Николая Борисовича, что Абрамкин – мужик что надо: с таким и водку пить, и работать в удовольствие. Балагуров присмотрелся к начальнику уголовного розыска и убедился, что Олег Гаврилович в экстремальной ситуации не подведет.

– Слушай анекдот, – разливая коньяк по рюмкам, начал Балагуров. – Брежнев помирает, собрал соратников и говорит: «Когда я умру, вы положите меня в Мавзолей, рядом с Лениным, но положите в гроб лицом вниз». Члены Политбюро в недоумении спрашивают: «Леонид Ильич, с Мавзолеем все понятно, вы – наследник дела Ленина и достойны с ним бок о бок лежать, а вот зачем лицом вниз?» Брежнев посмотрел на Андропова и говорит: «Когда меня вспоминать станете, проще будет в задницу целовать!» Суть понял? У меня двоюродный брат в центральном аппарате МВД работает. Вчера звонил и намекнул, что в ближайшее время Щелокова¹ от должности отстранят и выведут из состава членов ЦК КПСС.

– На его место Андропов своего человека поставит?

– Помяни мое слово: новым министром будет или партийный функционер, или кадровый чекист. наших, ментов, он до руля в нашем же министерстве не допустит. Не любит нас Юрий Владимирович!

Они беззвучно чокнулись, выпили по первой, закусили разрезанной на четыре части шоколадной зефиркой.

– Вслед за Щелоковым начальники областных управлений полетят? – спросил Абрамкин.

– Кто его знает, – пожал плечами Балагуров. – Кого-то снимут с позором, кто-то усидит. До нас, до низового звена, волна вряд ли дойдет. У Андропова столько чекистов нет, чтобы всех начальников в милиции сменить. Но это не значит, что нам можно беззаботно на балалайке брэнчать да в потолок поплевывать. Бдительность еще никто не отменял.

– Видели бы вы лицо замполита, когда он смотрел, как Ефремов свой доклад в мусорном ведре жег! Когда Владимиров от нас заберут? Он в последние дни как взбесился, все промахи в партийно-политической работе ищет. У меня запросил журнал воспитательной работы с личным составом. Пришлось соврать, что его на прошлой неделе мыши изгрызли, а новый я завести не успел. Сроду мы этой дурью не занимались, никакие журналы не вели.

– Вспомни анекдот. Теперь придется все делать по уставу. А насчет Владимиров, так это бабушка надвое сказала, как оно будет: лучше или хуже. Пришлют на его место молодого карьериста – он нам все кишки промоет и новые вставит.

Балагуров разлил еще по рюмке, выложил на стол пачку сигарет, закурил.

– Ефремову скажи, чтобы он продолжал начатую работу. Через месяц я верну его на линию работы с несовершеннолетними преступниками.

– От выговора ему никак не отвертеться? – не надеясь на положительный ответ, спросил Абрамкин.

– Придется наказать, хотя сегодня он был прав от первого слова и до последнего. Другое дело, что правда его идет в разрез с линией партии. Кстати, идея сравнения микрорайонов с государствами очень интересная. Что-то в этом есть. Давай еще по одной!

Выпив и закусив остатками зефира, Балагуров сказал:

¹ Щелоков Н. А. (1910–1984) – министр внутренних дел СССР в 1966–1982 годах. Через месяц после смерти Брежнева Л. И. освобожден с поста министра МВД СССР. После исключения из партии и лишения всех государственных наград покончил жизнь самоубийством.

– Передай Ефремову: пусть под Туриста роет яму. Законно, не законно – плевать как! О, расскажу тебе забавный случай! Мы же в областной центр из поселка переехали. У меня сыну шестнадцать лет. Он из нашего техникума перевелся в машиностроительный, подружился с одноклассником, тот позвал его в гости. А живет новый приятель на улице Волгоградской.

Абрамкин с нескрываемым интересом посмотрел на начальника.

– Приезжает сын домой, – продолжил Балагуров, – и говорит, что по дороге к дому одноклассника они встретили Туриста. Тот расспросил сына, как жизнь в поселке, то-се... И решил ему приходить во дворы по Волгоградской в любое время! Ты понял, какая сволочь? Сын вторую неделю в городе, а Турист уже про него все разузнал.

– Не сомневаюсь, что одноклассник вашего сына неспроста в гости позвал.

– Я в этом тоже не сомневаюсь, так что пусть наш приткий молодой друг роет под него яму. В нужный момент мы должны иметь на Туриста пухлое досье с компроматом. Ну, жаждем еще по одной без закуски?

– За замполита! – поднял рюмку Абрамкин. – Чтобы ему на новом месте чекисты ловушку подстроили и пинком под зад на гражданку отправили.

– Дельный тост! Поехали!

3

В четверг на улице был такой мороз, что старшеклассники на большой перемене, не сговариваясь, пошли курить в мужской туалет, а не на улицу, как обычно. В коридоре у туалета десятиклассник Сергей Козодоев подозвал к себе шустрого на вид паренька из шестого класса.

– Тебя как зовут? Сергей? Тезка. Тебе – ответственное задание. Постоишь на атасе. Если в нашу сторону пойдет директриса, забежишь и дашь знать. Понял? Давай, Серый, мы на тебя надеемся!

Шестиклассник, польщенный доверием взрослых парней, с важным видом занял боевой пост у окна, а десятиклассники пошли перекурить, обменяться дворовыми новостями и слухами.

– Черт возьми, на дворе ноябрь месяц, а морозы второй день стоят как зимой! – доставая пачку сигарет, сказал Витя Абрамкин.

– Из-за мороза они гроб и уронили, – прикуривая, сказал парень из десятого «Б». – Руки у могильщиков замерзли, вот они гроб и не удержали.

Опоздав на несколько минут, в туалет забежал девятиклассник Олег Баландович.

– Чуваки, что я вам расскажу, вы в отпад выпадете! – захлебываясь от нетерпения, начал он. – Вчера мы с корешем напились, как две свиньи, и пошли приключения искать. Сам не помню как, оказались мы у гастронома, по ту сторону Волгоградской. Видим, стоят у винного магазина местные мордвороты, человек восемь. Стоят они, значит, на выпивку деньги считают. Я, как увидел их, говорю корешу: «Осел слепошарый, ты куда прешь? Если сейчас они увидят нас, поймают, отведут за угол дома и так отметелят, что мама родная не узнает». И тут... – Рассказчик, привлекая внимание, сделал эффектную паузу, глубоко вздохнул и продолжил: – И тут у моего кореша в мозгах переключилось, он как заорет на всю улицу: «Эй, чуваки, вы не у того отдела стоите! Идите в молочный, там для вас кефир привезли!»

Баландович был известный врун, почти все его похождения были или вымышленными, или сильно приукрашенными, но слушать его было интересно.

– Короче, – подытожил он свой рассказ, – они бежали за нами целый километр. Я уже стал задыхаться, чую, немного нам жить осталось...

Закончить рассказ о лихих приключениях Баландович не успел. В туалет заскочил стоявший на стреме шестиклассник Сергей.

– Атас! – дурным голосом завопил он.

Парни мгновенно побросали окурки и гурьбой вывалили в коридор. Навстречу им шла учитель географии Галина Федоровна. На директрису она даже издали не походила.

– Вот дебил! – коротко выразил свои чувства Козодоев. – Таковую историю дослушать не дал! Ты, тезка, что, не знаешь, как директор школы выглядит?

– Я думал, это она, – виновато потупился шестиклассник.

– Мать его! – всплеснул руками Абрамкин. – Страна нуждается в героях, рожают бабы дураков!

Витя Абрамкин частенько повторял присказки своего отца, начальника уголовного розыска. Если бы в коридоре не было лишних людей, то Витя припомнил бы и другую поговорку, начинающуюся с нескольких непечатных слов подряд.

Оглушающе зазвенел звонок на урок. Козодоев поспешил в класс и успел заскочить в него за пару секунд до учительницы обществоведения Надежды Павловны Котовщиковой.

– Фу, кто так накурился? – разгоняя классным журналом воздух перед собой, спросила Котовщикова. – Козодоев, от тебя так табачищем прет?

– Вы что, Надежда Павловна, я же не курю! – наигранно оскорбился Сергей. – Курить – здоровью вредить!

– Тогда почему от тебя сигаретами пахнет?

– Я в туалет зашел, а там какие-то пацаны накурили, вот одежда и пропиталась, – заученно ответил Козодоев.

– Надежда Павловна, это Беленький накурился! – подал с задней парты голос Вася Савченко, известный доморощенный остролов. – Я отсюда чувствую, как от него кууревом несет.

Прилежный Саша Беленький, твердый хорошист, сидел за первой партой у учительского стола. Представить его с сигаретой было невозможно.

– Савченко, откроешь рот, когда я скажу, – поставила на место говорливого ученика Котовщикова. – Сегодня мы приступим к изучению новой темы. Откройте тетради и запишите тему урока... Голубева, где твоя тетрадь? Ты почему на листочке пишешь?

– Я дома тетрадь забыла, – потупившись, негромко ответила Голубева.

– Скажи, Наташа, о чем ты думала, когда в школу собиралась?

– О мужчинах! – негромко, но так, чтобы все услышали, сказал Савченко.

В классе вынужденно засмеялись. Шутка о мужчинах была не смешной, но по неписаным школьным законам класс должен был поддержать шутника, хотя смеяться было не над чем. Наташа Голубева была сложившаяся семнадцатилетняя девушка, симпатичная, раскованная. О чем ей еще думать, как не о мужчинах? Не о женщинах же.

– Савченко, еще слово, и ты пойдешь к директору, – пригрозила учитель. – Запишем тему урока: «Борьба за мир – основное направление внешней политики СССР».

Как только ученики склонились над тетрадями, Козодоев абстрагировался от школы и стал размышлять о делах более важных, чем внешняя политика Советского государства.

«Когда мне провести „акцию“ и с кем на нее идти? – стал прикидывать он. – Бык, дружок мой закадычный, отпадает так и так. На улице Волгоградской он шкодить не может. Придется идти с Фрицем-младшим, а с него, в случае чего, толку мало».

Пока Надежда Павловна рассказывала тему урока, ученики незаметно занимались своими делами. Обществоведение было одним из самых несложных предметов в школьной программе. Чтобы понять его сущность, надо было твердо усвоить несколько истин. Первая: все советское – хорошо, все капиталистическое – плохо. Если в мире капитализма и есть что-то хорошее, то это достигнуто за счет безжалостной эксплуатации трудящихся, безработицы, гонки вооружений и агрессивной политики неокOLONиализма. Если что-то в советском строе было плохо, то это следствие временных трудностей, вызванных Великой Отечественной войной, послевоенной разрухой и происками империалистических держав. Вторая истина, непреложная: партия – это авангард советского общества, его руководящая и направляющая сила. В принципе – это все. Вольный пересказ этих двух основополагающих истин гарантировал положительную отметку в журнале.

Мельком глянув на свою соседку по парте Наташу Голубеву, Сергей продолжил невеселые размышления: «Вопрос дня: где, с кем и когда? Моя „акция“ должна превзойти последнюю выходку Шакиры. Он тогда рискнул пошутить в „Швейцарии“, значит, мне надо сделать что-то еще более вызывающее».

Равиль Шакурзянов по кличке Шакира, крепкий восемнадцатилетний татарин, был заводилой в компании Сергея. Со дня на день Шакира ждал повестку в армию. Превзойти его напоследок было делом чести для Козодоева.

«Акцией» среди подростков Ленинского района называлась дерзкая шутка, действия на грани правонарушения. Например, зимой была популярна шутка под названием «Пьяная сестра». Для ее проведения на остановке общественного транспорта высматривалась хорошо одетая одинокая девочка лет четырнадцати-пятнадцати. Главный в «акции» парень подбегал к девчонке, хватал ее за воротник и начинал с силой трясти из стороны в сторону, громко при-

говаривая: «Таня, ты снова напилась! Как я тебя домой поведу? Мать опять всю ночь плакать будет».

Во время энергичной тряски жертва не могла ничего возразить, и со стороны казалось, что девчонка действительно еле стоит на ногах. Если ожидающие транспорт пассажиры не начинали возмущаться распушенными нравами современной молодежи, то к «сестре» подбегали еще два-три парня и начинали громко кричать: «Танюха, ты где так нахрюкалась? Опять весь подъезд заблужешь!» При подходе любого автобуса или троллейбуса жертву шутки отпускали, и она тут же прыгала в транспорт, лишь бы поскорее скрыться от незнакомых придурков и укоризненных взглядов добропорядочных моралистов.

Во время проведения «акций» случались досадные осечки. Прошлой зимой за «пьяную сестру» вступился коренастый гражданин лет сорока. Без лишних слов он врезал липовому «брату» по челюсти и выбил два зуба.

В последнее время подросткам из пятидесят пятой школы, где учился Сергей Козодоев, полюбилась акция под названием «Рассеянный почтальон». В ней участвовали два человека. Днем, пока все взрослые на работе, а старухи пенсионерки еще не выползли на лавочки, два подростка входили в подъезд. Один из них провололочкой, загнутой крючком, снимал с почтовых ящиков все навесные замки. Пока он трудился, второй участник «акции» проверял почтовые ящики и забирал все письма. Покончив с одним подъездом, подростки переходили во второй, где на почтовые ящики, не имеющие замков, навешивали замочки с соседнего подъезда. Письма в этом подъезде также изымались. Вечером, когда вся компания собиралась, происходила коллективная читка похищенной корреспонденции. Среди подростков считалось, что «акция» удалась на славу, если над каким-нибудь письмом все смеялись до слез.

«На прошлой „акции“ Шакире попало письмо из колонии для несовершеннолетних, – припоминал Козодоев. – В нем юный зэк признавался в любви к Марине, которую никогда не видел. Над его описанием их предстоящей встречи вся толпа ржала до колик. В последний раз так веселились над посланием солдата, узнавшего об измене любимой девушки. Письмо было необычным: на одной стороне листа текст с нецензурными пожеланиями, а на другой – отпечаток подошвы сапога и стишок: „Если бы не этот сапог солдата, ты бы спала с солдатами НАТО“. Нашел чем пугать советскую девушку! Его бывшая возлюбленная, может быть, спит и видит, как ее целует загорелый сержант из штата Арканзас. Но к черту эту армию и этого зэка с его любимой Мариной! Мне надо действовать на этой неделе, иначе Шакиру призовут, и он уйдет непревзойденным мастером дерзких шуток и веселых провокаций».

Звонок на перемену выдернул Сергея из задумчивости. В классе зашумели, зашлепали дипломатами о столы.

– Куда вскочили? – осадила учеников Котовщикова. – Звонок прозвенел для меня, а не для вас. Записывайте. На следующий урок всем принести с собой «Материалы XXI съезда КПСС». Будем работать с первоисточником.

– А если у меня их нет? – спросил Савченко.

– Сходишь в книжный магазин и купишь. Еще вопросы есть? Урок закончен, можете идти на перемену.

Следующим, последним уроком был английский, самый ненужный предмет в школе. Все ученики знали, что иностранные языки им никогда не понадобятся на практике, и поэтому использовали часы, отведенные на английский, для подготовки к другим урокам или выполнения домашнего задания. Зубрить непонятные слова непонятно для чего никто не хотел. Тройку в аттестате хоть как поставят, так зачем забивать голову всякой ерундой?

На уроке английского соседом Сергея был Савченко. Отложив раскрытый учебник в сторону, он тихо спросил:

– Светку Ушакову с моего двора знаешь? Светленькая такая, крашенная, раньше в восьмом «В» училась.

– Смутно помню. Это не у нее на Новый год пальто из гардероба утащили?

– Нет, у другой. Короче, Серый, Светка спросила меня, как ты насчет того, чтобы я вас познакомил? Ты не подумай, Света – девочка приметная, с ней не стыдно будет по бульвару пройтись.

– Она сейчас где учится?

– В ПТУ, на швею. Там одни девки, гадюшник, а не училище.

– Договорились! Приходи с ней вечером в двенадцатиэтажку. Часам к восьми подгребайте, самое то будет.

За разговорами урок пролетел незаметно.

– Ты сейчас куда, домой? – спросил Савченко.

– Нет, пойду Мишку Быкова проведаю, узнаю, когда он от ангины оправится и сможет на улицу выйти.

4

Сергей Козодоев познакомился с Мишей Быковым в четвертом классе. К шестому классу они уже были неразлучными друзьями: и в школе, и во дворе всегда были вместе. С первых дней знакомства ведущим в их тандеме был Козодоев. Сергей был более интеллектуально развит, начитан и инициативен, ну а Михаил... Он не был глупым или очень наивным, он просто не интересовался тем, что ему было неинтересно, и часто принимал на веру то, что было на поверхности, не задумываясь о скрытом смысле вещей. После шестого класса Михаил с отцом поехали рыбачить на Обское море. Вернувшись, Быков озадаченно спросил приятеля:

– Серега, ничего не понимаю! Мы были на Обском море, а вода в нем не соленая! Везде в учебниках написано, что в море должна быть соленая вода, а там – нет.

– Миха, Обское море – это не часть океана с соленой водой, – объяснил Козодоев. – Обское море – это громадная запруда на реке Обь. Это водохранилище, образованное плотинной Обской ГЭС. Естественно, что вода в нем пресная. Представь, что нашу реку запрудили. Вода же в ней от этого соленой не станет.

– Нет, тут что-то не то, – засомневался Быков. – Если бы нашу реку запрудили, то она бы от этого морем никак не стала. Может, на другом участке Обского моря вода соленая, а где мы рыбачили – нет?

Козодоев не стал спорить с приятелем. Через неделю Мишка забыл об аномалии с морской водой и больше никогда о ней не вспоминал. Это ему стало неинтересно, а если неинтересно, то зачем докапываться до сути? Разве для того, чтобы выпить стакан воды, надо знать, что H₂O – это и есть вода?

Еще более примечательный случай произошел в конце восьмого класса. Как-то учительница английского языка опаздывала на урок, и школьники от нечего делать стали изучать учебные пособия, развешанные на стене рядом с кабинетом.

– Смотри! – обрадовавшись неожиданной находке, позвал друга Козодоев. – Список предметов, изучаемых в американских школах.

– Ну и что? – не понял повода для веселья Михаил. – Список как список.

– Да ты сюда посмотри! – Козодоев ткнул пальцем в конец перечня. – Видишь предмет «сексология»? Представляешь, что они на уроках изучают?

– Обалдеть! – восхитился Михаил. – Интересно, лабораторные работы по этому предмету есть?

– Конечно, есть! – подтрунивая над наивностью приятеля, заверил Сергей.

После уроков Быков серьезно спросил:

– Серега, а как они, того, ну, это самое, на лабораторных по сексологии делают? По-настоящему, что ли? И родители им разрешают?

Чтобы не обидеть друга, Козодоев ушел от прямого ответа, пообещав, что в ближайшее время разузнает, как американские дети зачеты по сексу сдают.

До шестого класса Миша Быков был крепким ширококостным мальчиком среднего роста. Перед тем как уйти на каникулы, он был одного роста с Сергеем, а по осени вернулся в школу на голову выше его. К концу восьмого класса Быков превратился в широкоплечего молодого человека ростом под метр восемьдесят. У Миши раньше всех в классе появились усы и стала проклеиваться жиденькая борода.

Сергей Козодоев предпринимал много попыток угнаться за другом в физическом развитии. Он занимался в свободное время гантелями, записался в секцию самбо и полгода усердно посещал ее – но все тщетно! Мускулы не желали бугриться на его худощавом теле. Сколько ни качал Сергей бицепсы, сколько ни отжимался от пола, плечи никак не желали раздаваться вширь и волосы на груди не росли.

Превратившись к семнадцати годам в крепкого, физически развитого мужчину, Миша Быков так и остался ведомым в паре с Козодоевым. Он полностью отдал линию внешнего поведения на откуп другу и без лишних вопросов следовал за ним туда, куда он позовет. А звал Сергей то в одну, то в другую сторону.

Если посмотреть на мир подростков глазами инспектора уголовного розыска Ефремова, то дворы вокруг пятьдесят пятой школы были классической конфедерацией, в которой до поры до времени довольно мирно уживались несколько молодежных группировок. Гром грянул в самый разгар Олимпиады в Москве, летом 1980 года. Шустрый прибалтненый паренек по кличке Сокол решил объединить дворы под своей властью. На первых порах ему удалось добиться безоговорочного лидерства, но тут взбунтовались сразу несколько дворов, и начался период драк и выяснения отношений, который затянулся до поздней осени. В самом начале дворового передела Козодоев решил поддерживать Сокола, потом осмотрелся и понял, что чаша весов постепенно склоняется не в его сторону. Ничего не объясняя приятелю, Сергей решил, что им лучше переметнуться в стан врагов Сокола и влиться в группировку парня по кличке Фриц-старший. Мишка, узнав, что теперь они стали друзьями Фрица-старшего, подивился:

– Вчера же с его друзьями у гастронома дрались, а теперь что, кентоваться с ними будем?

– Миха, Соколу власть не удержать. Обломают ему рога и нам припомнят, что в его кодлу входили. Через младшего брата на Фрица выйдем и на плаву останемся.

Драка, о которой говорил Быков, была довольно примечательной. На углу продовольственного магазина встретились две группы подростков человек по пять-шесть. Слово за слово, в ход пошли кулаки. Мишка бился с врагами, как лев. Из драки он вышел с разбитой губой, опухшим ухом и чувством глубокого внутреннего удовлетворения – одного из рослых пацанов Быков мощным хуком послал в затяжной нокаут. Козодоев тоже дрался, но боксерскими победами похвастаться не мог.

В самый разгар уличных схваток Соколу проломили голову цепью, и он сошел с арены, канул неизвестно куда. Воспользовавшись затишьем, лидеры больших и малых группировок собрались на веранде детского сада, распили мировую, позабыли старые обиды и постановили: против любого внешнего врага выступим единым фронтом, а в дворовой жизни будем каждый сам по себе.

Узнав об историческом договоре в детском саду, Мишка искренне восхитился умением друга предугадывать опасные события:

– Серега, ты как в воду глядел! Теперь мы к кому примкнем?

Мишу Быкова, плечистого парня с крепкими кулаками, с удовольствием приняли бы в любую компанию. К Козодоеву же все относились настороженно, считали, что он сам себе на уме, скрытный и коварный.

– Мы пойдем своим путем, – поразмыслив, ответил Сергей.

Вскоре этот путь обозначился. Летом 1982 года пара Сергей Козодоев – Миша Быков слилась в одну группировку с компанией Шакиры. Постоянных членов в их уличном объединении было человек десять, еще с десятков парней и несколько девушек периодически крутились с ними, вместе совершали «акции».

До конца восьмого класса Быков во всем следовал за Сергеем. Получив аттестат о восьмилетнем образовании, Миша категорически отказался идти в девятый класс. Сколько ни уговаривал его Козодоев, ничего не вышло.

– Серега, ты после десятого класса в институт поступишь, а меня туда кто возьмет? – резонно спрашивал Быков. – Я в школе только два года потеряю. Мне сейчас одна дорога – в ПТУ. Выучусь на сварщика, пойду на завод работать, а там в армию заберут. Как говорит отец, чем ловить журавля в небе, надежнее кусок хлеба на земле поискать.

Быков-отец был эталонным советским рабочим. План на заводе выполнял, на субботах трудился засучив рукава. В партии не состоял, но политику Советского государства поддерживал и одобрял. По выходным отец Мишки ездил на рыбалку, играл с мужиками в домино во дворе, ходил в баню или просто выпивал с друзьями.

«С годами Мишка такой же станет, – думал о приятеле Сергей. – „Козла“ во дворе забил, пивка трехлитровую банку выпил – и на диван, телик смотреть, пока сон не сморит. Все так живут. Кроме моего отца, нефтяника. А мне, судя по всему, придется идти по его стопам».

Оставшись в девятом классе без физического прикрытия, Козодоев стал готовиться к выяснению отношений с ребятами, которые недолюбливали его, но в открытый конфликт не вступали, опасаясь кулаков Быкова. Но ничего не произошло. Окончив восемь классов, все хулиганье покинуло школу, и конфликтовать Сергею стало не с кем.

Слабым местом Быкова были отношения с девушками. С любым парнем Мишка быстро находил общий язык, а вот в присутствии девчонок смущался, чувствовал себя неловко. Если Сергей Козодоев на первом же свидании умудрялся поцеловать девушку, то Мишка не решался на такой шаг и через неделю знакомства.

– Представь, я ее поцелую, она поймет, что у меня это в первый раз, и будет смеяться, – объяснял свою нерешительность Быков. – Потом встречу надежную девчонку, с ней попробую.

– Пока ты ее ждешь, тебе, Мишка, повестка из военкомата придет. Ты что, в армии друзьям рассказывать будешь, что нецелованным мальчиком служить пошел?

– Совру что-нибудь, насочиняю.

– Не майся дурью, – советовал другу Козодоев. – Потренируйся на ком-нибудь из наших девчонок. Вон Машка Прудникова, когда выпьет, сама целоваться лезет. Выбери момент, проводи ее до дому. Зажмешь в подъезде, и все у тебя получится.

– Не хочу, – отнекивался Быков. – Страшненькая она какая-то, и прыщи у нее на лбу. Нет, с Машкой даже пробовать не стану.

Все изменилось в начале сентября, когда в их компании появилась Лена Кайгородова. Из-за нее в отношениях между закадычными друзьями пошла трещинка. Маленькая такая, узенькая, еле заметная, но уже ощутимая.

... У входа в подъезд Быкова Сергей обстучал обувь о лавочку. Поднялся на третий этаж. Дверь открыл средний брат Михаила, двенадцатилетний Андрей. В семье Быковых было трое сыновей. Мишка – самый старший.

– Заходи! – Андрей широко распахнул дверь и ушел на кухню.

– Ты где, братан? – спросил Сергей из коридора.

В ответ Мишка что-то неразборчивое пробурчал из зала.

– О, ты все никак не отойдешь!

Козодоев прошел в зал, сел рядом с другом на диван. Квартира у Быковых была двухкомнатная, и для детей в ней кроватей не было. Чтобы как-то разместиться на ночь, Мишка с младшим братом спали на диване, а для Андрея доставали раскладушку.

– Совсем хреново? – участливо спросил Сергей.

– Сейчас уже лучше, – просипел друг, накрытый двумя одеялами. – Вспомни, я первые дни вообще пластом лежал, а сегодня с утра вроде бы немного отпустило. Серега, веришь, я три дня подряд даже глотать не мог, так горло прихватило? Скажи кому, что меня ангина в кровать уложила, никто не поверит. Как на улице дела, что нового во дворах?

– Решил я Шакире нос утереть и такую «акцию» провернуть, какую до меня никто не решался.

– Может, подождешь, пока я на ноги встану, тогда вместе на дело сходим?

– Не получится. Я хочу сыграть в «Почтальона» на Волгоградской, а туда тебе путь заказан.

Быков намек понял, насупился, но возражать не стал. Сергей был прав – шкодить на улице Волгоградской Мишка не мог. Где угодно, в любом районе города Быков пошел бы за приятелем в огонь и воду, но на Волгоградской обязан был вести себя тихо и неприметно. На Волгоградской жила Лена Кайгородова, и этим было все сказано.

– Серега, рискованное дело ты задумал. Поймают тебя волгоградские, все кости переломают.

– В том и суть! – насмешливо ответил Козодоев. – Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Шакира в жизнь не посмеет сунуться в эти дворы, а я – пойду.

– Кого с собой возьмешь? – заинтересованно спросил Миша.

– С младшим Фрицем пойдем. Он почтовые ящики проверит, а я замками займусь. Если что, Фриц быстро бегает, его ни одна собака не догонит.

Приятель поговорили еще немного, но разговор не складывался, и Сергей стал собираться домой.

«Не вовремя я пришел, – понял он. – Мишка свою девчонку ждет, а тут я нарисовался».

В дверь позвонили. Не дожидаясь хозяев, Козодоев щелкнул замком, впустил гостью.

– Привет! – поздоровалась с ним Кайгородова. – Как наш больной?

– Здесь я! – одетый в домашнее трико и футболку с короткими рукавами, Михаил вышел в коридор.

– Ну, я пошел, – не скрывая неудовольствия, попрощался с Быковым Сергеем.

Приятель или не заметил перемену в его настроении, или сделал вид, что не заметил. С приходом Кайгородовой он ожил, сбросил оковы мучившей его ангины, повеселел.

«Какой он лицемер! – раздраженно подумал о друге Козодоев. – При мне умирал от тяжелой болезни, с дивана подняться не мог, а как Ленка пришла, так махом выздоровел!»

На улице Козодоев глубоко вдохнул, поперхнулся морозным воздухом.

– Что за погода! Хуже, чем в январе! – Сергей отер рукой губы, поднял воротник пальто, спрятал нос в шарф и поспешил домой.

5

В сентябре 1981 года бравый выпускник Высшей школы МВД Игорь Ефремов помог донести сухонькой старушке тяжелую сумку с покупками. Просто так помог, без всякой задней мысли. Растроганная таким участием незнакомого молодого человека, старушка пригласила Игоря в гости. Они попили чай, познакомились. Старушку звали Ефросинья Ивановна, ей было почти семьдесят лет. Жила она одиноко, пенсии едва хватало, чтобы сводить концы с концами.

Через несколько дней Игорь вернулся к Ефросинье Ивановне с интересным предложением.

– Тетя Фрося, – старушка настояла, чтобы Ефремов обращался к ней именно так, – я работаю в уголовном розыске, и мне для встречи с секретными агентами нужна тихая, укромная квартира. Такая, как ваша.

– Ой, господи! – испугалась старушка. – Во что же это ты меня втянуть хочешь?

Игорь охотно объяснил:

– Раз в неделю вам нужно будет уходить из дома, предоставляя мне квартиру на час-полтора. За эту услугу я выбью с начальства премию – каждый месяц по двадцать рублей. Два червончика к пенсии лишними не будут?

Ефросинья Ивановна согласилась не раздумывая. Ей не столько были нужны деньги, сколько сам Игорь, терпеливо выслушивавший ее жалобы на соседей, на здоровье, на родственников, совсем позабывших о старой больной женщине. Пенсионерка отдала Ефремову второй комплект ключей от квартиры, а он, выполняя свои обязательства, раз в месяц приходил, нагруженный продуктами, пил чай с хозяйкой и, уходя, оставлял на тумбочке две десятки. Зимой Ефросинью Ивановну положили в больницу, в кардиологическое отделение. Игорь каждый день навещал больную, достал ей редкое лекарство.

– Какой у вас внук заботливый! – восхищались санитарки. – Он не женатый?

– Молод он еще семьей обзаводиться, – неохотно отвечала Ефросинья Ивановна. К своему стыду, о семейном положении Ефремова она ничего не знала.

В четверг, 20 ноября 1982 года, Ефремов пришел на конспиративную квартиру около трех часов дня. На кухонном столе Ефросинья Ивановна оставила для него записку:

«Игорек! Врач выписала мне лекарство, но сразу же предупредила, что достать его можно только по блату. Ты сможешь? т. Фрося».

Рядом с запиской лежал рецепт и пять рублей одной купюрой. Ефремов забрал рецепт, деньги оставил на месте. В конце записки он написал ответ: «Постараюсь».

В ожидании агента, завербованного под псевдонимом Жаба, Игорь поставил на плиту чайник, закурил, сбрасывая пепел в раковину. Ровно в три часа он посмотрел в окно и улыбнулся. По узкой тропинке через заметенный снегом двор к нему на тайную встречу шла Наташа Голубева, она же секретный агент Жаба.

Наташу Ефремов завербовал в самом начале лета. В тот день Голубева с подругами отмечала окончание девяти классов и так напилась, что не могла сама дойти до дома. Ее, пошатывающуюся и плохо соображающую, куда идти, привез в райотдел наряд патрульно-постовой службы. С первого взгляда оценив перспективы предстоящего сотрудничества, Игорь отобрал девушку у инспектора по делам несовершеннолетних и увел к себе в кабинет. Выбившаяся из сил Голубева мирно уснула на продавленном диване, а Ефремов сел за стол охранять ее сон. В полночь он попытался растолкать девушку, но тщетно. Она спала как убитая.

Действуя уверенно и четко, Игорь снял с Голубевой джинсы, повернул ее на бок так, чтобы с определенного ракурса одновременно просматривалось лицо девушки и ее ягодицы в белоснежных плавках. Оценив со стороны свою работу, Ефремов позвал в кабинет эксперта-криминалиста с фотоаппаратом.

– Сделай несколько кадров так, чтобы хорошо было видно ее лицо, – попросил он.

– Ты что, Игорь! – запротестовал эксперт. – Ты посмотри, у нее же задница голая! Как я тебе ее сфотографирую? Нас же потом за изготовление порнографии привлекут!

– Запомни! – властно и авторитетно заявил Ефремов. – Порнография – это всегда половой акт. А это, – Игорь рукой указал на ягодицы девушки, – это совсем не то, что ты думаешь. Это не эротика и не порнография. Это изделие советской легкой промышленности под названием «трусы женские хлопчатобумажные». Суть уловил? Нашими законами не запрещено фотографировать нижнее женское белье, хоть на девушках, хоть без них.

Эксперт, используя вспышку, отщелкал несколько кадров и уже собрался уходить, как Голубева зашевелилась, изогнулась всем телом, свесила голову на пол. Рвало Наташу минут пять. Извергнув из себя скудное содержимое желудка, она повернулась на другой бок и засопела.

– Отлично! – восхитился Ефремов. – Захотел бы такую композицию создать, не знал бы, как сделать. А ну-ка, красавица, повернись на этот бок!

Игорь развернул Голубеву, и эксперт сделал еще несколько снимков, захватив в кадр лицо девушки, обтянутые плавками ягодицы и мерзкую лужу на полу. Через пару часов он принес Ефремову отпечатанные фотографии.

– Держи, – сказал эксперт, – только никому не говори, что я принимал в этом участие.

Посмотрев на снимки, Игорь восхитился:

– Мастерски сделано! Что я должен за труды?

– Как-нибудь после работы бутылку разопьем, и считай, что мы в расчете.

– Заметано! – согласился Ефремов.

Голубева проснулась с первыми лучами солнца, открыла глаза и сразу же поняла, что она не у себя дома, а черт знает где. Морщась от головной боли, Наташа приподнялась на диване и обомлела: прямо перед ней за столом сидел строгий незнакомый молодой мужчина. Позади него, на вбитом в стену гвозде, висела милицмейская фуражка.

«Все, девочка, допрыгалась! – холодея от предстоящего общения с милиционером, подумала Голубева. – Если родители узнают, что меня в милицию загребли, они меня убьют!»

– Доброе утро, красавица! – улыбнулся Наташе Ефремов. – Как спалось?

Голубева села на диван, опустила ноги на пол и попала в вязкую жижу.

«Это я наделала?! – в ужасе подумала она. – Теперь точно – кранты!»

Наташа посмотрела на свои голые ноги, пошарила по дивану, но джинсов рядом не было.

«Неужели меня сюда голую привезли?» – в отчаянии подумала она.

В этот момент от позора и безысходности ей расхотелось жить. Она прикрыла глаза и ясно представила завтрашний день, в котором ее поджидали взбешенные родители, директор школы, инспектор детской комнаты милиции и секретарь школьного комитета комсомола. Казнь будет проходить в несколько этапов. Для начала она получит по заслугам от матери с отцом. Потом ее выгонят из школы... Выгонят, тут даже сомневаться не стоит. Как только из милиции поступит сигнал, так директриса тут же вызовет родителей и предложит им забрать документы из школы. «Отправьте вашу дочь в ПТУ! – скажет она. – Мне в десятом классе юные алкоголички не нужны».

«Какой здесь этаж? – промелькнула мысль у Наташи. – Может, в окно выброситься и покончить со всем разом?»

– Не подскажешь, что мне с тобой делать? – участливо спросил Ефремов.

– Простить. – Голубева ответила первое, что пришло на ум.

– За что простить? – Игорь сделал вид, что не понял, в чем девушка провинилась.

Наташа облизала пересохшие губы, попыталась сглотнуть, но вместо глотка получилось сухое икание.

– Ну, за это. – Она показала на лужу у дивана.

– Ах, за это! – усмехнулся Ефремов. – До этого мы еще дойдем, а сейчас давай познакомимся. Меня зовут Игорь Павлович. А тебя как зовут? Сколько тебе лет, где ты живешь?

Переписав анкетные данные, Игорь позвонил в адресное бюро, убедился, что случайная гостья не лжет.

– Наташа, объясни мне: тебе всего шестнадцать лет, ты не ночевала дома, но родители тебя не ищут. Ты что, частенько ночуешь где придется?

– Родители вчера, в субботу, уехали на дачу. Вернутся только сегодня вечером. Они не знают, что я дома не ночевала... Еще не знают.

Голубева тяжело вздохнула, с мольбой посмотрела на милиционера. В ее глазах читалось: «Простите меня, пожалуйста! Я больше так не буду».

– Хм, интересная история! – задумчиво глядя поверх готовой расплакаться школьницы, сказал Ефремов. – Не успели родители уехать, как ты бросилась пьянствовать.

– Со мной такое в первый раз! – всплеснула руками Наташа. – Честное слово, никогда раньше такого не было.

– Что же, верю! – Инспектор посмотрел Голубевой в глаза. Она, смутившись и покраснев, опустила взгляд. – Вполне возможно, вчера ты выпила самую малость, чуть-чуть, но тебя развезло, и вот результат – ты здесь в непотребном виде: полуголая, полупьяная, растрепанная, невыспавшаяся.

– Я же не хотела, чтобы так получилось, – не поднимая глаз, прошептала Голубева.

– Каяться на комсомольском собрании будешь! – жестко пресек жалкие оправдания инспектор. – Для начала надо навести порядок в моем кабинете. Посидишь здесь, я принесу тряпку с ведром.

– Пожалуйста, отдайте мне джинсы, – попросила девушка.

– Зачем? – «удивился» Ефремов. – Тебе стыдно стало? Наташа, я уже видел тебя в неглиже, так что стесняться меня не надо. Все, девочка, поезд ушел! Помоешь пол – получишь штаны.

Во время уборки кабинета Ефремову пришлось трижды ходить за чистой водой. Зато Голубева отмыла помещение так, что инспекторы, пришедшие на другой день на работу, удивились: «У нас что, новый линолеум постелили? Чисто-то как!»

Закончив с ликвидацией следов ночного происшествия, Ефремов дал Голубевой возможность привести себя в порядок и приступил к делу.

– Садись, Наташа, к столу, посмотрим «веселые картинки». Полюбуйся на себя! – Игорь выложил перед Голубевой фотографии. – Подумать только: комсомолка, школьница, симпатичная девушка – и такая мерзость на полу... Нет, я даже смотреть на это не могу – меня сейчас самого вырвет. А каково будет директору школы? А в райкоме комсомола? Родители тебя простят. Всыплют ремня, заплатят штраф за твое антиобщественное поведение, запретят тебе гулять по вечерам, но простят. Родители – они всегда добрые, а вот в школе и в районо тебе прощения не будет. Ты же, Наташа, не у меня в кабинете насвинячила, это ты им, педагогам, в душу плюнула. Они тебя девять лет воспитывали и чего добились?

Голубева, уткнувшись в ладони, заплакала. Ефремов, не обращая внимания на ее рыдания, убрал фотографии в стол, включил чайник. Подождал, пока она немного успокоится, и примирительным тоном, почти ласково, сказал:

– Сегодняшний эксцесс может остаться между нами. Я ведь не держу на тебя зла, Наташа. Ты хорошая девушка, оступилась раз, но это не беда! Все можно исправить.

– Как? – подняла заплаканное лицо Голубева. – Я все сделаю, только не показывайте фотографии никому.

Игорь налил кружку чая, пододвинул гостье.

– Пей! Крепкий сладкий чай – лучшее средство от алкогольного отравления. Пей, Наташа, не стесняйся и внимательно слушай меня. У тебя два пути. Первый – путь позора. Если

мы не договоримся, я напишу информационное сообщение, что тебя в пьяном виде доставили в милицию. К сообщению для наглядности приложу фотографии. В районо и райкоме ВЛКСМ проведут проверку и предпримут соответствующие меры профилактического характера. По идее, школа должна будет тебя взять на поруки, но этого не будет. Даю гарантию: чтобы не объясняться в высоких инстанциях, директор вашей школы заставит твоих родителей забрать документы, и ты пойдешь учиться в ПТУ. Контингент там сама знаешь какой. Путь второй – ты станешь моим тайным агентом и будешь сообщать мне обо всех преступлениях, которые совершат твои знакомые или о которых тебе станет известно.

– Я не хочу быть стукачкой, – не подумав о последствиях, заупрямилась Голубева.

– На нет и суда нет! – охотно согласился Ефремов. – Допивай чай – и пошла вон! Родителям скажи, чтобы готовились к неприятностям.

– Я... я... честное слово, я не то хотела сказать, – испугалась девушка.

– Разговор окончен! – хлопнул ладонью по столу Ефремов. – Запомни: я – инспектор уголовного розыска, а не нянечка в детском саду. Я тебе сопли вытирать не собираюсь...

– Не надо! – в голос заревела Голубева. – Только не фотографии!

Через десять минут она, успокоившись, писала под диктовку Ефремова.

– Я, Голубева Наталья Викторовна, обязуюсь в добровольном порядке сотрудничать с органами внутренних дел. Свои сообщения буду подписывать псевдонимом... – Игорь на секунду задумался, посмотрел на потолок и нашел ответ в дальнем углу, между потоком с крыши и куском обвалившейся известки, – свои сообщения я буду подписывать псевдонимом Жаба.

– Почему Жаба? – осторожно, стараясь не злить инспектора, спросила Голубева. – Я что, такая же мерзкая?

– Наташа, ты симпатичная, привлекательная девушка.

Голубева оторвалась от бумаг, посмотрела на инспектора.

– Не поняла? – спросил Ефремов. – Твой псевдоним никак не должен раскрывать твою личность. Скажи, кто сможет догадаться, что Жаба – это ты? Никто.

– Жаба так Жаба, – согласилась Наташа.

Когда расписка была готова, Ефремов приступил ко второму этапу вербовки:

– Сейчас на другом листе коротко напиши мне обо всех преступлениях, о которых ты слышала в последнее время. Запомни: кто помочился в неположенном месте или кто нашу партию матерным словом поминает, меня не интересует. Кражи, грабежи, угоны мотоциклов. Хулиганство... Кто на прошлой неделе выбил в вашей школе два окна? – неожиданно спросил инспектор. – Вспоминай: два окна на втором этаже.

– Меня там не было, – поспешно ответила девушка.

– А кто был? Наташа, на меня смотри! Ты уже проговоришься, что знаешь об этом случае, так что пиши: кто кидал камни, с какой целью.

– Мне потом голову за это открутят, – недовольно пробурчала Голубева.

– Голову тебе открутят, если ты не перестанешь пьяная по подворотням шататься! – строго сказал инспектор. – Виданное ли это дело, в шестнадцать лет до бесчувствия напииваться? А если бы тебя изнасиловали и убили? Приехали бы мама с папой домой, а доченьки нет – в морге она, изуродованная, лежит. Пока со мной работаешь, ты о своей безопасности не беспокойся. Будешь язык за зубами держать, о нашем сотрудничестве никто не узнает.

Голубева трудилась над своим первым сообщением больше часа. К концу работы она вошла во вкус.

– У нас соседка на мясокомбинате работает. Каждый месяц обновки меняет. Про нее писать?

– Про всех пиши, – разрешил инспектор. – Я потом отсортирую, что мне пригодится, а что нет.

Прощаясь, Ефремов разъяснил девушке основы конспирации и тайной связи:

– Каждую неделю ты будешь звонить по этому телефону и сообщать мне, есть у тебя интересная информация или нет. Раз в месяц мы будем встречаться на конспиративной квартире. Сейчас запоминай свою первую легенду. Если кто-то узнает, что ты была в милиции, и спросит, чем все кончилось, ответишь так: ночь ты просидела в клетке. Наутро тебя завели на второй этаж, дожидаться инспектора по делам несовершеннолетних. Пока менты отвлеклись, ты незаметно сбежала. Все запомнила?

– Как «Отче наш». – Голубева посмотрела на инспектора, улыбнулась. – Ну, я поскакала?

Ефремов юмор оценил:

– Скачи, Царевна-лягушка, меняй потрепанную шкурку на новую.

6

Наташа Голубева шла на встречу с невеселым настроением и размышляла о «домашнем задании», полученном в прошлый раз от Ефремова.

«Записать все известные мне клички... Дать краткую характеристику парням, которые их носят... Что он дальше придумает? Захочет, чтобы я стала втираться в доверие к кому-то из уличных авторитетов? Чтобы стала чьей-то любовницей и в постели выведывала секреты? Рано или поздно такая игра закончится разоблачением, и тогда... убить, конечно, не убьют, но жизни после этого мне во дворе не будет. Кто станет со стукачкой дружить? Все парни будут от меня шарахаться как от чумной. Как бы мне избавиться от Ефремова? Послать его куда подальше? Не выйдет, он меня крепко за горло держит. Как только я рыпнусь, так он тут же фотографии в ход пустит. Что делать? Придется пожертвовать собой и соблазнить инспектора. Должно получиться. Он что, не мужик, что ли? Если все ненавязчиво сложится, то клюнет Игорек. Должен клюнуть. А потом...»

Наташа даже зажмурилась, представляя сладостный момент: она поднимается с кровати, медленно одевается и говорит: «Игорь Павлович, а что скажут ваши начальники, когда узнают, что вы школьницу совратили?»

– Вот он у меня где будет! – Голубева сжала кулачок, заулыбалась, игриво подмигнула окнам конспиративной квартиры. – Сегодня, Игорек, ты не устоишь перед соблазном.

Дверь в квартиру была не заперта. Наташа вошла, сняла пальто, забросила на вешалку шапку.

– Принесла? – раздался из кухни голос Ефремова.

– Культурные люди здороваются при встрече, – недовольным тоном заметила Голубева.

– Извини, задумался. Я наблюдал, как ты шла по тропинке, и мысленно поздоровался с тобой. Как дела, как учеба? – Игорь взял у девушки исписанный тетрадный лист, погрузился в чтение.

– Можно, я воды попью? – попросила девушка.

Ефремов, не отрываясь от чтения, кивнул: «Пей!»

Голубева набрала из-под крана воды, повернулась к инспектору спиной и вылила на себя всю кружку.

– Ай, блин! – взвизгнула она. – Вот у меня рука дрогнула! Что делать теперь, как я мокрая домой пойду? Замерзну же, заболею и умру.

– Пошли, – недовольно сказал Ефремов.

Игорь, втайне от хозяйки, давно изучил содержимое шкафов Ефросиньи Ивановны. Утюг она хранила в тумбочке в зале. Гладильной доски у старушки не было.

– Высушишь одежду утюгом, – сказал инспектор.

Ефремов застелил обеденный стол покрывалом, воткнул утюг в розетку и вышел на кухню. Через пару минут Голубева позвала его:

– Игорь Павлович, он не нагревается!

– Кто не нагревается? – начал злиться инспектор.

Ефремов вернулся в зал и встал на пороге комнаты как вкопанный. Наташа Голубева стояла у стола полураздетая: мокрое школьное платье было разложено на покрывале, почти сухая майка лежала рядом. Из одежды на девушке были только бюстгальтер и колготки. Плотные шерстяные колготки, заманчиво обтягивающие стройные девичьи ноги.

– Это что за стриптиз? – спокойно, не выказывая удивления, спросил Ефремов. – погоди, не отвечай, я сам попробую догадаться.

Он прищелкнул пальцами, посмотрел в потолок, весело усмехнулся:

– Понял, Наташа, я все понял! В прошлый раз я видел тебя раздетой снизу, а теперь ты решила показать, как выглядишь сверху. Так ведь?

Голубева промолчала.

– Ты знаешь, Наташа, а ведь это моя вина! С самого начала я не объяснил тебе, что профессионалы умеют абстрагироваться от соблазнов. Ювелиры не ощущают магии золота. Кассиры не воспринимают денежные купюры как эквивалент материального благополучия. Парадокс: сидит кассир, за день пересчитывает сотни купюр, но они для него не более чем бумага с установленным номиналом. Наступает день получки, и этот же кассир, получив десять десятков, относится к ним совсем по-другому. Безликие бумажки превращаются для него в деньги, на которые можно купить вещи и продукты.

Девушка подняла утюг, быстрым движением прикоснулась к его разогретой подошве и стала гладить платье. Ефремов продолжил:

– Запомни, ни один оперативник не станет флиртовать с женщиной, которая находится у него на связи.

– Я так плохо выгляжу? – не отрываясь от работы, спросила Наташа. В ее интонации Ефремов уловил скрытый сарказм: «Что бы ты понимал в хорошеньких девушках, индюк надутый!»

– Наташа, мне что, дифирамбы тебе петь? «Ах какие стройные ножки, аж душа замирает!» Выбрось эту дрянь из головы! Любая сексуальная интрижка неизбежно приведет к разрыву наших деловых отношений, а это меня не устраивает. Ты нужна мне в качестве источника информации, так что до поступления в институт можешь больше не раздеваться.

Голубева отложила в сторону высушенное платье, разложила на покрывале майку.

– Почему до института? – посерьезнев, спросила она.

– Как только ты поступишь в вуз, у тебя тут же сменится круг общения и как агент ты для меня не будешь представлять интереса.

– Клянусь всем на свете, я приложу все усилия, чтобы поступить, – заверила Голубева.

– Ого, даже так! Помнится, совсем недавно ты была рада нашему сотрудничеству, а теперь хочешь соскочить с поезда? Не выйдет. Ты добровольно пошла на сделку и сейчас никак не можешь от нее отказаться.

– Ага, добровольно! – возмутилась девушка. – Все бы так добровольно сотрудничали.

Голубева надела майку, осмотрела платье и решила пройтись по нему утюгом еще раз.

– Подумать только, – с нескрываемой иронией сказал Ефремов. – Минуту назад мы были друзьями, а сейчас ты воспылала ко мне ненавистью и презрением? Какая ты двуличная девушка, Наташа! Ты, надеюсь, про фотографии не забыла? О своих собственноручно написанных донесениях помнишь? Наташа, прошу, не заставляй меня ставить тебя на место. Хорошо?

Девушка закончила просушивать одежду, выдернула утюг, сложила покрывало.

– Игорь Павлович, не надо меня пугать. Я вам ничего плохого не сделала.

– погоди, не надевай платье! Дай я на тебя еще раз взгляну... Хорошая маечка на тебе. Моей жене такую же майку из ГДР привезли.

– У вас жена есть? – «удивилась» девушка. – И дети, наверное, есть?

– У жены есть.

В голосе Ефремова Наташа уловила угрозу, предостерегающую ее от дальнейших распросов о личной жизни инспектора. Но она решила не останавливаться на половине пути.

– Интересно-то как! У тебя жена не ревнивая? Что она скажет, если узнает, что ты на конспиративной квартире со школьницами встречаешься?

Голубева отложила платье, шагнула к инспектору.

– Во-первых, – остановил ее Ефремов, – будь любезна называть меня на «вы». Во-вторых, не надо вести себя хуже, чем ты есть на самом деле.

– Признайся честно, сколько у нас времени? Игорь, ты же ничем не рискуешь. Мои фотографии у тебя. – Наташа сделала еще шаг к инспектору.

– Стоп! – приказал Ефремов. – Хозяйка квартиры с минуты на минуту придет. Я не хочу объяснять ей, почему использую ее квартиру в качестве борделя.

– Никто сюда не придет! – уверенно возразила Голубева. – Я тебя знаю, ты все ходы просчитываешь лучше любого шахматиста. Скажи, Игорь, только честно, я тебе нравлюсь? Неужели твоя жена, у которой есть ребенок...

Наташа сделала еще шаг. Теперь они стояли так близко, что девушке показалось, что она слышит, как бьется сердце в груди у инспектора.

– Поцелуй меня, никто же не узнает, – попросила она.

– Не сейчас, – снизив голос до интимного полупшепота, ответил молодой мужчина.

– Когда? – прошептала Наташа.

– Когда в институт поступишь! – рявкнул Ефремов. – Хватит ерундой заниматься! Я тебя сюда для дела вызвал, а не интрижки плести.

– Хорошо, Игорь Павлович, я все поняла.

Голубева быстро оделась, в прихожей перед зеркалом поправила прическу.

«Факир был пьян, и фокус не удался, – подумала она. – Ну, ничего, капля камень точит!»

– Чай будешь? – позвал девушку из кухни Ефремов. – Наташа, ответь мне на один вопрос личного характера. До сегодняшней встречи у тебя было полтора часа времени. Ты могла бы съездить домой, переодеться и прийти ко мне минута в минуту.

– Вы знаете, во сколько у меня уроки закончились? – не высказывая удивления, спросила Голубева.

– Я все знаю. – Игорь поставил перед девушкой чашку с чаем, нашел в шкафчике сахар и вазочку с печеньем. – Ты не дослушала вопрос: почему ты предпочла полтора часа слоняться по школе, а не пошла домой? Подожди, не отвечай, попробую сам догадаться. Все дело в морозе, не так ли? Из дома ты пришла бы в джинсах, а в них стриптиз не так эффектно выглядит. Я прав? Школьное платье легко скинуть, а под ним соблазнительные ножки в колготках, так ведь? Ты, Наташа, больше не экспериментируй. Я умею мух от котлет отделять.

– А вот и не так! – обрадовалась девушка. – Стриптиз здесь вовсе ни при чем.

– Не понял, – нахмурился Ефремов.

– Я специально задержалась в школе, чтобы с собой дипломат принести и вам свой дневник показать. Сiju я сегодня на уроках и думаю: «Игорь Павлович меня за тупую троечницу считает, а у меня за первую четверть в дневнике только четверки и пятерки». Достать дневник, показать?

Инспектор засмеялся.

– Чего смешного? – обиделась Наташа.

– Да так, про свое подумал, – ушел от ответа Ефремов.

– Игорь Павлович, – с вызовом сказала Голубева, – вам говорили, что смеяться над девушками неприлично?

– Наташа, ты меня собралась хорошим манерам учить? Поздно. Моя совесть навсегда поражена бациллой профессиональной деформации. Общепринятые приличия ментов не касаются, мы в своем мире живем.

– Я сейчас по-настоящему обижусь, – пригрозила девушка. – Я что, на дурочку похожа, чтобы меня высмеивать на ровном месте?

– Хорошо, не будем ссориться по пустякам. Я тут представил... как бы сказать-то, чтобы не слишком пошло выглядело? Словом, так: потерял я бдительность, и случилось между нами то, что случиться не должно. Лежим мы с тобой расслабленные в кровати, и я говорю: «Как успехи в школе? Неси дневник. Что это, тройка по физике? Снимай колготки, сейчас я тебе ремня всыплю, чтобы ты об учебе не забывала».

– Меня родители никогда за оценки не наказывали, тем более ремнем.

– Скажи мне «спасибо». Знаю я один случай, когда у твоего отца рука сама бы за ремнем потянулась.

– Опять вы за старое, – вздохнула Голубева. – Один раз в жизни силы не рассчитала...

– Забудем о том случае! – предложил инспектор. – Давай пройдемся по кличкам. В твоём списке пять человек, про которых я раньше не слышал. Кто эти парни, чем промышляют?

На прощание девушка предприняла последний штурм. В прихожей она загородила собой входную дверь и потребовала:

– Поцелуй меня. Если ты этого не сделаешь, то клянусь: сегодня была наша последняя встреча.

Ефремов молча посмотрел ей в глаза, но с места не сдвинулся.

– Игорь, если ты сейчас не поцелуешь меня, то можешь завтра размножить мои фотографии и раздать их всем учителям в школе.

– Не здесь, – твердо сказал Ефремов.

Они замолчали, перейдя от словесных препирательств к дуэли взглядов. Голубева первая не выдержала и отвела глаза.

– Игорь, – вполголоса сказала Наташа, – или ты будешь относиться ко мне как к девушке, у которой иногда возникают невинные желания, или я соберу пацанов и признаюсь им, что ты заставил меня быть твоим секретным агентом. Если до Нового года ты не изменишь своего отношения ко мне, я...

– Иди, – жестко перебил ее Ефремов. – Про фотографии можешь не беспокоиться, их никто не увидит. У меня свои понятия о порядочности.

– Ты обещал, – напомнила девушка.

– Если обещал, значит, свое слово сдержу.

Голубева порывисто шагнула к Ефремову, встала на цыпочки, чмокнула Игоря в губы и выпорхнула за дверь.

«Идиот! – обругал себя инспектор. – В какой-то момент я дал слабину, и вот результат. С малолетками всегда так, чуть-чуть отпустишь поводья, и они становятся неуправляемыми. Ничего, до Нового года еще далеко, что-нибудь придумаю».

После встречи на конспиративной квартире Ефремов забежал в пару аптек, убедился, что нужное Ефросинье Ивановне лекарство просто так не достать.

«Придется у начальника БХСС попросить помощи, – решил он. – Для Виктора Дмитриевича все аптечные склады открыты. Стоит ему пальцами щелкнуть, как шустрые провизоры любое заморское лекарство на блюдечке с голубой каемочкой принесут».

В райотделе Ефремов занялся мелкой фальсификацией. Вставив в печатную машинку лист чистой бумаги, инспектор одним пальцем отстучал:

«Секретно, экз. единств. Работая по моему поручению, агент Лесник в рамках сбора информации о несовершеннолетних, склонных к совершению преступлений, сообщил, что им подготовлен список фамилий и клички лиц, которые могут представлять оперативный интерес».

Список кличек Ефремов слово в слово перепечатал с записки Голубевой. Агент Лесник, злоупотребляющий спиртным инвалид второй группы, немало бы подивился, если бы узнал, что за два дня сотрудничества с уголовным розыском он успешно внедрился в подростковую среду и стал пользоваться доверием у лидеров молодежных группировок. Лесник был агентом-«пустышкой», все донесения за которого Ефремов готовил сам, основываясь на информации из других источников.

В записке Голубевой Михаил Быков по кличке Бык шел под восьмым номером. Сергея Козодоева в списке не было. Наташа не считала своего соседа по парте хулиганистым парнем, способным на серьезное правонарушение.

7

Вернувшись домой, Козодоев полез в холодильник: посмотреть, чем можно пообедать. Ничего нового он увидеть не ожидал, но отец до десяти часов был дома и теоретически мог что-то приготовить. Вчера, например, пожарил картошку. А сегодня...

– Так, что тут у нас? – вслух спросил Сергей, открыв холодильник. – Как всегда, суп! Ну, супчик вы сами кушайте, а я пельменями пообедаю.

Магазинные пельмени, слепленные наподобие вареников, были невкусными. Их начинку вместо мяса составлял колбасный фарш из потрохов и хвостов неизвестных животных. Но пельмени, даже магазинные, были гораздо вкуснее борщей и супов, сваренных матерью Сергея в воскресенье с расчетом на всю рабочую неделю. «Мне в будние дни некогда по вечерам у плиты стоять!» – говорила она.

Проверка морозильной камеры огорчила Сергея. Отец, вместо того чтобы приготовить сыну обед, сам съел все оставшиеся пельмени.

«Черт возьми, что за жизнь! – подумал Козодоев. – Давали бы рубль на обед, я бы в столовой питался: картофельное пюре, котлета с подливой, сосиски, жареная рыба... Как представлю гуляш с подливой, так слюнки текут».

Он достал кастрюлю с супом, поставил на стол, согнал жир с поверхности, зачерпнул полную поварешку и вылил ее содержимое в унитаз. Эту нехитрую манипуляцию Сергей проделывал каждый раз, когда не хотел есть суп, но еще больше не хотел расстраивать мать. Она болезненно воспринимала бойкот ее кулинарных «шедевров». Придя с работы, мать первым делом проверяла оставшийся объем содержимого в кастрюле, и если к супу никто не прикасался, то Сергей с сестрой выслушивали лекцию о том, какие они неблагодарные дети и как они не уважают труд матери.

– Придется перекусить чем бог послал, – недовольно пробурчал Козодоев.

Вилкой он выловил в кастрюле кусочек мяса, посолил его и съел с хлебом. Обед получился скудный, но другой альтернативы не было. Тарелка опостылевшего пресного супа гарантированно портила настроение на весь день.

Разобравшись с едой, Сергей сел за письменный стол, достал учебник математики, раскрыл его на нужном месте и сдвинул в сторону. Если внезапно вернется отец и проверит, чем сын занимается, то с первого взгляда поймет: отрок на верном пути – грызет «гранит науки», готовится к поступлению в институт. На самом деле ни выпускные экзамены в школе, ни вступительные экзамены в вуз Сергея не волновали. Его мать преподавала в политехническом институте теоретическую механику, так что студенческий билет был Козодоеву гарантирован. Мама умела договариваться с нужными людьми.

Приготовив рабочее место для проверки, Сергей задумался и незаметно для себя нарисовал на чистом листе бумаги женский профиль. Художественным даром Козодоев не обладал, так что при всем желании угадать в его творении Лену Кайгородову было очень и очень затруднительно.

– Эх, Лена, Лена, не с тем ты связалась! – вздохнул Сергей и погрузился в воспоминания.

В первый раз Кайгородова появилась в компании Сергея в начале октября. Кто ее привел на посиделки в двенадцатиэтажку, Козодоев уже не помнил. Узнав, что Лена живет на улице Волгоградской, Сергей тут же потерял к ней всякий интерес: дружить с девчонкой с враждебной улицы было невозможно. Уличный этикет требовал вечером проводить подругу до дома и «зависнуть» в ее подъезде на час-полтора. Прощание всегда было долгим: страстные поцелуи, интимный шепот, взаимно одобряемая игра в «шаловливые» ручки: «У меня рука замерзла. Я погрею ее, вот здесь, у тебя под курткой. О, наконец-то я нашел самое теплое местечко...» С Кайгородовой ни о каком провожании до дома не могло быть и речи, волгоградская шпана

чужаков на своей территории не терпела. По вечерам любого незнакомца останавливали в темном дворе и приступали к допросу:

– Ты откуда? В наших дворах кого-нибудь знаешь? Нет? Ах ты, козел, ты что, самый смелый?

В лучшем случае с вечерней прогулки по дворам улицы Волгоградской можно было вернуться в синяках и с разбитым носом. В худшем, если волгоградские пацаны будут пьяные или не в настроении, – с переломанными ребрами. Идти вечером на Волгоградскую было равносильно самоубийству.

С неделю парни из компании Козодоева присматривались к Кайгородовой, прикидывали, как с ней дружить. Провожать по вечерам до первых домов на Волгоградской и прощаться там, посреди тротуара? Один раз, для куража, у всех на виду, можно поцеловать девушку, но каждый день такой номер будет глупо выглядеть. Что за прощание под пристальными взглядами прохожих? Это как последний поцелуй у вагона отходящего поезда: быстро, скомканно, неинтересно. Словом, Лена Кайгородова была симпатичной девушкой, но никому не нужной.

Первым на нее внимание обратил Миша Быков. По вечерам он стал уединяться с Леной, как-то раз даже проводил ее на другую сторону дороги. Сергей, не придавая особого значения мимолетному увлечению друга, спросил:

– Миха, а чего ей в своих дворах не сидится?

– Она говорит, что у них по вечерам на улице делать нечего: все парни или пьяные, или руки распускают. У нас и веселее, и спокойнее. На Волгоградской все «акции» тупые – в рыло кому-нибудь дать или кошку живую к дверной ручке привязать, а у нас что не «акция», то обхочешься. Прикинь, на Волгоградской в «Рассеянного почтальона» не играют! Как в деревне чуваки живут, по-другому не скажешь.

Постепенно Быков так привязался к Кайгородовой, что совсем потерял голову и рассудок. В начале октября он вновь проводил ее на другую сторону улицы, но не остановился у витрины магазина, а пошел дальше, во дворы.

– Миша, ты куда? – испугалась девушка.

– К тебе. – Быков сделал вид, что удивился такому странному вопросу. – Я провожу тебя до дома, чтобы по дороге никто не обидел.

Поняв, что парень не шутит, Кайгородова повела его к своему дому самым коротким путем. «Даст бог, пронесет!» – решила она.

В этот день они дошли без приключений. В подъезде, между первым и вторым этажом, Миша прижал девушку к себе и в первый раз поцеловал. Лена, даже для вида, не сопротивлялась. Ее мысли были заняты другим: «Как он назад вернется?» Насладившись податливостью подруги, Быков, никем не замеченный, вернулся в свои дворы. На другой день повторилось то же самое: по какому-то стечению обстоятельств задиристая волгоградская молодежь собиралась в другом месте. Но вечно такое везение продолжаться не могло. На четвертый день пронырливый шкет лет тринадцати заметил чужака и доложил кому надо. Не успели Быков с Леной дойти до подъезда, как путь им преградили двое решительных парней.

– Эй, ты кто такой? – с вызовом спросил первый парень.

– По роже видно, что не наш, – процедил сквозь зубы второй.

Миша Быков, еще в первый раз провожая подругу, решил, что лучше он падет на поле боя, чем отступит. Оправдывая свою фамилию, он, как разъяренный бык, ринулся на врагов. Его атака была такой стремительной, что в мгновение ока оба задиры оказались в кустах с разбитыми носами. Расчистив путь, Быков беспрепятственно проводил девушку и вернулся назад.

Вызов был брошен. Волгоградские вызов приняли, по достоинству оценили физическую мощь ухажера Кайгородовой и приготовили ему достойную встречу.

На другой день Кайгородова наотрез отказалась идти внутрь своих дворов.

– Миша, они убьют тебя! Хочешь, я прямо тут, посреди дороги, на колени перед тобой встану, только не провожай меня до дома. Я прошу тебя, умоляю, не ходи во дворы.

– Пошли! – решительно сказал Быков и шагнул на запретную территорию.

На тропинке, между забором детского сада и трансформаторной будкой, их поджидали шесть отборных кулачных бойцов. Кайгородова, увидев хулиганов, тихо заплакала. Она знала, что пощады Быкову не будет. Дойдя до парней, Мишка, ни слова не говоря, скинул на землю куртку, стянул через голову свитер и встал в боевую стойку.

– Ну что, пацаны, начнем? – дерзко и весело спросил он.

– погоди! – неожиданно раздался властный голос от трансформаторной будки.

Из темноты к Быкову и приготовившимся к драке парням вышел молодой мужчина в кожаной куртке. Щелчком отправив окурки в сторону, он с интересом посмотрел на Михаила, мельком глянул на заплаканную Кайгородову.

– Братан! Скажи честно, ты что, против шестерых драться собрался? – В голосе незнакомца чувствовалось неподдельное удивление. – Они же от тебя мокрого места не оставят.

– Ну и что? – набычился Михаил. – Моя чувиха, я что, не могу ее до дома проводить?

– Ты, часом, не с Луны свалился? Признайся, ты на учете в психушке не состоишь? – продолжил расспрашивать незнакомец. – С каких это пор по нашим дворам кто хочет, тот и шляется? Ты сам-то откуда?

– Из пятидесят пятой школы, – с нескрываемой гордостью ответил Быков.

– М-да, – протянул мужчина. – Странно это. Залетный чувачок, с пятидесят пятой школы, пришел в наши дворы права качать. Я понимаю, если бы ты жил в центре или в Ковских дворах, но пятидесят пятая школа никогда не была в авторитете. У вас же там анархия, бардак! Чудны дела твои, Господи! В первый раз вижу, чтобы из-за чувихи человек голову в петлю совал.

Пока мужчина рассуждал вслух, Быков, Кайгородова и шестеро изготовившихся к схватке парней молчали.

– А вдруг это любовь? – спросил незнакомец непонятно кого.

Быков, совершенно сбитый с толку, не знал, что ответить. Лена тихо всхлипывала за его спиной. Шестеро молодчиков, как скакуны перед заездом, нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

– «Безумству храбрых поем мы песню», – торжественно продекламировал незнакомец, – а песня эта – похоронный марш. М-да, любовь ослепляет человека... Тебя как зовут?

– Бык, – Миша привычно назвал свою кличку.

– Отойди на десять шагов в сторону, – приказал мужчина Кайгородовой. Девушка безропотно выполнила его указание.

– Скажи, Бык, – вполголоса, так, чтобы Лена не слышала его, спросил незнакомец, – когда ты посчитал, сколько человек тебя встречает, очко сжалось?

– Еще как! – признался Быков. – Но что делать? Спать на каждом углу?

Философ в кожаной куртке призадумался, посмотрел на звезды, негромко пробормотал:

– От нас не убудет, у них не прибавится. Иди сюда! – позвал он Кайгородову. – Ты в каком доме живешь? В шестом? Бык, запоминай! Я разрешаю тебе провожать эту девчонку от магазина и до ее подъезда. Но учти: никаких загогулин по дворам, шаг влево – вправо от прямого маршрута будет считаться беспределом.

Миша, ошарашенный происходящим, согласно кивнул головой. Такого исхода противостояния он даже представить не мог. Скажи кому: «Волгоградские разрешили мне по их дворам их девчонку провожать», – никто не поверит.

– Ну, давай, Бык! Рад был познакомиться с достойным человеком. – Незнакомец покровительственно похлопал Быкова по плечу и пошел в глубь дворов. Ни слова не говоря, шесть недавних противников Быкова последовали за ним.

– Лена, кто это был? – растерянно спросил Быков.

– Ты что, не понял? – всхлипнула Кайгородова. – Это Турист. Только он может всеми командовать.

– Обалдеть! – Одним словом, коротко и емко, Миша высказал всю гамму нахлынувших чувств.

На другой день Быков пришел в свою компанию триумфатором. Пацаны ему вначале не поверили и украдкой пошли посмотреть, действительно ли он пойдет в глубь дворов улицы Волгоградской. Но все было честно, без обмана. Поздним темным вечером Миша и Кайгородова, не останавливаясь у магазина, уверенно обогнули здание и скрылись в дебрях запретной территории.

Узнав о похождениях друга, Козодоев неожиданно для себя обозлился на Быкова. Сколько лет Михаил шел в его фарватере, всегда был в тени, не имел своего мнения, и на тебе, в один вечер переплюнул Сергея так, что оказался на недостижимой высоте!

После захватывающих приключений Быкова Сергей по-новому взглянул и на Кайгородову. Лена была худенькой шестнадцатилетней девушкой с неброской внешностью. После окончания восьми классов она поступила в машиностроительный техникум – учиться на экономиста. Одевалась Кайгородова скромно, но это ни о чем не говорило. У Сергея Козодоева было много добротных дорогих вещей, но на улицу он надевал одежду попроще. В самом деле, не в японской же куртке-алюске по подъездам отираться! Не в фирменной же «Монтане» на грязных ступеньках сидеть! Уличная одежда должна быть недорогой и практичной. Единственным предметом роскоши, который Сергей носил постоянно, был индийский мохеровый шарф.

После того как Кайгородова стала дружить с Быковым, она стала казаться Сергею настоящей красавицей. Украдкой рассматривая Лену, Козодоев находил в ней все больше и больше достоинств. «Какие у нее прекрасные голубые глаза, – шептал про себя Козодоев. – А эта трогательная беззащитная улыбка! Разве может Мишка оценить всю неземную прелесть ее улыбки? Да ни за что! Ему этого не дано».

Не раз, засыпая, Сергей представлял, как он и Лена остались вдвоем у нее дома. Они сидят на диване, смотрят альбом с семейными фотографиями. Сергей придвигается к девушке поближе, ненавязчиво кладет ей руку на плечо. Лена скромно улыбается в ответ. Свет гаснет сам собой, и в темноте их губы соединяются в поцелуе.

– Эх, Лена, Лена! – сказал вслух Сергей, рассматривая нарисованный им женский профиль. – Не того ты выбрала! На кой черт тебе этот тупой жлоб сдался? Тебе же с ним поговорить не о чем! Мишка с первого класса двух слов связать не может. Он же в ПТУ не от хорошей жизни пошел...

Под женским силуэтом Козодоев нарисовал треугольник, всмотрелся в него и сказал:

– Я люблю ее, он любит ее, а она делает вид, что любит его. Не может такая красивая и умная девушка любить парня, у которого интеллект ниже, чем у колхозного тракториста. Эх, черт, почему я раньше Мишки не предложил Лене дружить?

Сколько раз Сергей вспоминал первые дни знакомства с Кайгородовой, столько раз он лгал себе, что пока он присматривался к Лене, Мишка нагло и бесцеремонно опередил его. Никого Быков не опережал. Он просто был единственным парнем, который осмелился пойти провожать девушку до дома. Укоряя Быкова за коварство, Сергей сам себе не осмеливался задать вопрос: а что бы он делал, если бы Кайгородова попросила его проводить ее до подъезда? Наверняка нашел бы множество причин, чтобы не пересекать незримую границу у гастронома.

Если бы Сергей перестал завидовать Быкову и разобрался в своих чувствах, то понял бы, что его влечение к Лене – это вовсе не любовь, а смесь зависти и ревности. Завидовать, в общем-то, было нечему, а ревновать друга к девчонке... Когда-нибудь их пути должны были разойтись. Мужская дружба на века – это подростковый миф, живущий недолго. После армии редко кто уделяет своим друзьям времени больше, чем жене.

«Ничего-то я не могу поделывать! – решил Козодоев. – Придется любить ее на расстоянии. Если я только намекну Мишке, что мне нравится Кайгородова, то я тут же лишусь самого близкого корефана. Попробовать, что ли, с другой девчонкой закрутить и забыть о Лене? Хотя как о ней забудешь? Уехала бы она куда-нибудь на год или на два, и все бы встало на свои места».

Размышления Сергея прервал отец, вернувшийся из больницы.

– Как дела? – спросил сын.

– Ничего не могут врачи найти! – мрачно ответил Владимир Семенович. – Я чувствую, что у меня с сердцем что-то не то, а кардиолог говорит, что все в порядке. Как может быть сердце в порядке, если в груди, вот тут, колет, а вот сюда отдает? Никакой это не невроз, это что-то с сердечной мышцей происходит.

Отец Сергея работал на Севере вахтовым методом: три месяца на буровой в Тюменской области, три месяца дома. По плану он должен был улететь в Сургут еще на прошлой неделе, но решил пройти углубленное обследование и задержался на неопределенный срок.

– Как успехи в школе? – спросил отец для порядка.

– Хорошо, – соблюдая установленные в семье условности, ответил Сергей.

Удовлетворенный ответом, Владимир Семенович расположился в кресле, раскрыл свою медицинскую карту и стал внимательно изучать записи терапевта и кардиолога. Начав работать вахтовым методом много лет назад, он переложил ответственность за учебу детей на жену. Если супруга не жаловалась на сына, значит, у того в самом деле все было неплохо.

Едва дождавшись прихода матери, Сергей убежал на улицу. В этот день ничего интересного не было. Посидели в подъезде, Шакира побренчал на гитаре, поговорили о том о сем, покурили и разошлись. Ни Савченко, ни обещанной им Светки Ушаковой не было, но Козодоев даже не заметил их отсутствия. Он был поглощен обдумыванием предстоящей «акции». Перед тем как пойти домой, Сергей отозвал в сторону Фрица-младшего.

– Завтра пойдем на Волгоградскую, – объявил он.

В ответ приятель покрутил пальцем у виска.

– Ты что, Серый, с катушек съехал? Если нас волгоградские поймают – живыми не выпустят, а если с замками поймают, то точно убьют на фиг. Ты сам подумай, если мы замки перевесим, к кому с разборками жильцы пойдут? На местных наедут, больше не на кого.

– В том и суть, Фриц! Подумай сам: мы одним ударом два дела сделаем: «акцию» провернем, письма достанем и волгоградским заподлянку подкинем. До нас еще никто такую акцию не проворачивал. Мы будем первыми.

Приятель задумался. Соблазн прославиться на все дворы был велик, но и риск не маленький!

– Не дрейфь, Фриц, – настаивал Козодоев, – я все продумал! Пойдем на акцию в пять часов. Вся волгоградская братва еще по домам сидит, а взрослые – на работе. Пять часов – это самое затишье. Если нам кто и встретится, то или мелюзга, или старухи.

Фриц-младший с удовольствием бы отказался от этой безумной «акции», но побоялся прослыть трусом и после недолгих уговоров согласился.

8

После окончания Высшей школы милиции Ефремов вернулся в родной город и временно поселился у родителей. Неделью-другую он уживался с родственниками, потом стал активно искать отдельное жилье. Как молодой специалист, Игорь имел право на внеочередное получение жилплощади по месту работы. Собрав необходимые документы, он пришел в отдел кадров Ленинского районного отдела милиции.

– Чтобы встать в очередь на квартиру, тебе нужно жениться и родить ребенка, – пояснила начальник отдела кадров Вера Степановна Беленок. – Для получения однокомнатной квартиры необходимо иметь минимум одного ребенка. Чем больше будет детей, тем быстрее ты будешь продвигаться в очереди.

– Сколько обычно в очереди стоят? – спросил Ефремов.

– Женатые молодые специалисты с одним ребенком – около пяти лет, в общей очереди – года на три дольше.

– Другие варианты есть?

– Мы можем поставить тебя в очередь на получение комнаты гостиничного типа. Женись, я лично внесу тебя в список.

– А если я не хочу жениться, то мне что, жилье не положено? – помрачнел молодой специалист.

– Что значит «не хочу жениться»? – не поняла Вера Степановна.

– Невесты подходящей нет, – сказал Игорь первое, что пришло на ум.

– Если у тебя нет ни жены, ни детей, то в отдельном жилье ты не нуждаешься, – пояснила Беленок.

– Я молодой специалист! – запротестовал Ефремов.

– Ну и что с того? – пожала плечами Вера Ефимовна. – Ты сейчас где прописан? У родителей? Вам метража на каждого члена семьи хватает? Вот когда ты женишься, пропишешь жену у себя и у вас будет меньше девяти квадратных метров жилплощади на человека, вот тогда и приходи. А пока ты в улучшении жилищных условий не нуждаешься.

Игорь решил не сдаваться и пошел на прием к начальнику РОВД.

– Если я холостяк, то мне до старости с родителями жить? – спросил он.

– Эта Беленок вечно с жильем мудрит! – поддержал молодого специалиста начальник милиции. – В следующий четверг будет заседание жилищной комиссии. Готовь документы. Я поставлю тебя в очередь.

В четверг, после бурного выяснения отношений, члены комиссии постановили: «Поставить Ефремова И. П. в очередь на получение комнаты гостиничного типа». Как молодой специалист, Ефремов обошел всех холостяков райотдела, но в лидеры не выбился. На 1 октября 1981 года впереди него в очереди было 12 человек, а позади – всего двое. За год комнаты в общежитии получали не более трех человек. Путем нехитрых вычислений Игорь определил примерную дату, когда он получит ключи от собственной жилплощади: сентябрь – октябрь 1985 года.

– К тому времени я женюсь, и мне квартира будет нужна, а не комната в общежитии, – расстроился он.

Но делать было нечего. Своего жилфонда райотдел не имел, так что Игорю ничего не оставалось, как ждать.

Пока очередь на жилье двигалась вперед со скоростью засыпающей на ходу черепахи, Игорь познакомился с незамужней тридцатидвухлетней Жанной Новиковой. С конца октября они начали встречаться, а к ноябрьским праздникам Игорь перебрался с вещами в двухкомнатную квартиру Новиковой.

Жанна была симпатичной, слегка полноватой брюнеткой. Она работала поваром в столовой машиностроительного завода, так что с мясными продуктами и свежими овощами проблем в новой семье Ефремова не было. У Жанны был четырехлетний сын Женя, рожденный не то что вне брака, а вообще непонятно от кого. «Так получилось», – объяснила появление сына Жанна.

Разница в возрасте не пугала Игоря, жениться на Новиковой он все равно не собирался, а вот сын Жанны доставлял ему немало неудобств. Родители Новиковой научили мальчика называть Игоря папой, и теперь над Ефремовым нависло бремя моральной ответственности за чужого ребенка. Будь Ефремов более инициативным, он бы подыскал другую временную супругу, с квартирой и без детей, но устоявшийся размеренный быт засосал молодого мужчину, и он смирился с нелюбимой женой и сыном, который раздражал его. Что бы ни делал мальчик, все казалось Игорю неправильным и неловким. «Мой сын так бы не поступил», – думал он.

С появлением у Жанны молодого мужчины изменился ее общественный статус. Теперь она была не матерью-одиночкой, а обычной замужней женщиной. О такой мелочи, как отсутствие в паспорте штампа о регистрации брака, Новикова знакомым не рассказывала.

Первые месяцы совместной жизни Жанна даже не заикалась об узаконивании их отношений, потом стала все чаще допытываться: когда Игорь перестанет увивать и поведет ее в ЗАГС? Когда он усыновит любимого сыночку Женечку?

На Восьмое марта Жанна поставила Ефремову жесткое условие: или они регистрируют брак, или она отлучает его от супружеского ложа, а если это не поможет, то Игорю лучше покинуть ее квартиру раз и навсегда. Ефремов был готов к эвакуации в любой момент. Все его вещи, включая носки и нижнее белье, помещались в два чемодана, которые он предусмотрительно принес от родителей и хранил на шкафу в спальне. Уйти от Новиковой он мог в любой момент, но возвращаться в отчий дом, к отцу с матерью, не хотел. Искать новую сожительницу было хлопотно, так что Ефремов согласился на регистрацию отношений, но при одном условии.

– Жанна, – сказал он, – ты прекрасно знаешь, что я работаю в милиции и не могу иметь судимых родственников. Если никто из твоих близких родственников не привлекался к уголовной ответственности, то препятствий к узакониванию наших отношений нет. Если у тебя кто-то из родни судимый, то, извини, я работой рисковать не стану. Я четыре года учился раскрывать преступления и теперь начинать жизнь сначала не буду.

– У меня никого судимых в роду нет! – возмутилась Новикова.

– Разрешение на брак от начальника милиции у меня будет только тогда, когда кадровики получат ответы на запросы из информационного центра, – жестко и безапелляционно отрезал Игорь. – Не я придумал законы насчет судимых. У одного нашего сотрудника брат влетел с кражей, так его тут же уволили.

Новикова собрала у родственников паспорта, Игорь унес их на работу, бросил в сейф и на месяц забыл. В начале лета спохватился, вернул документы и направил запросы в ИЦ. Его тайные надежды не оправдались – сестра, мать и отец Жанны были чисты перед законом.

– Когда? – строго спросили его родители Новиковой.

– Еще из Москвы ответы не пришли, – остудил их пыл Игорь. – В Москве запросы. Как только вернутся, так мы тут же подадим заявление в ЗАГС.

К октябрю игры с запросами о судимости стали малоправдоподобными, и надо было найти новую причину, препятствующую женитьбе.

– Сын! – сказал он на очередном собрании родственников Жанны. – Кто его отец? Не судим ли он?

Новиковы приуныли. О папе Женечки они знали немного: работал таксистом, любил наведываться в женское общежитие при заводе химического волокна. Жанна, по молодости лет, иногда оставалась ночевать у подружек в этом же общежитии. Там-то они и встретились. Узнав о беременности случайной подружки, таксист заявил, что к ребенку он никакого отно-

шения не имеет. С тех пор Жанна о нем больше ничего не слышала, у общих знакомых не встречала.

– Так кто отец Женечки? – строго спросил Игорь. – Могу я узнать правду о сыне или вы что-то от меня скрываете?

Новиковы не знали, что сказать, но выход из положения нашел сам Ефремов.

– Сообщите мне все данные о таксисте, какие только знаете. Я сам займусь его розыском, – заявил он.

Приободренные родственники на время отстали от Ефремова, а он стал прикидывать, когда придется помахать любимой женщине ручкой и объявить ей, что они не сошлись характерами и дальнейшее совместное проживание больше невозможно.

Пока Игорь «искал» отца Женечки, его семейным положением заинтересовались в комсомольской организации городского УВД. Наверняка этот интерес проснулся не без участия Жанны и ее матери.

– Ефремов, – строго спросила Игоря секретарь комитета ВЛКСМ, – объясни мне, ты что, живешь с женщиной с ребенком и отказываешься жениться на ней? Что за моральная нечистоплотность, Игорь Павлович? Настоящие мужчины так себя не ведут.

– Прошу прощения, – ошетинился Ефремов, – я не понял сути вопроса. На ком я отказываюсь жениться? На матери моих детей? У меня с гражданкой Новиковой нет общих детей, а усыновлять ее ребенка я не обязан. Я хорошо учился в школе милиции и из курса гражданского права помню, что в случае усыновления Евгения Новикова я буду нести за него ответственность до достижения им 18 лет. Грубо говоря, если я его завтра усыновлю, а послезавтра разведусь с Новиковой, то алименты на ее сына я буду платить еще 14 лет.

– Ну и что? – удивилась секретарь. – Кто тебя разводиться заставляет? Ты, Ефремов, не юли. Если к Новому году не женишься на Новиковой, то о твоём аморальном поведении я поставлю вопрос на бюро ВЛКСМ. С выговором по комсомольской линии тебе очередного звания не видать как своих ушей.

Взбешенный Игорь вернулся в отдел, выпил с мужиками водки, успокоился, но для себя решил, что при первой возможности сбежит от Новиковой. Но куда?

О навалившихся проблемах он поведал Ирине Долуденко, лучшей подруге Жанны.

С Ириной Ефремов познакомился на собственном дне рождения, который отмечал в три захода: на работе, с родителями и дома у Жанны, с ее знакомыми. Долуденко пришла на вечеринку с мужем, работавшим водителем в пожарной охране, и трехлетней дочерью. В самый разгар застольных разговоров Ирина пошла на кухню за чистыми тарелками для смены блюд. Игорь вызвался ей помочь. На кухне он прижал подругу жены к стене и по-пьяному жадно поцеловал.

– Что, Игорек, не знаешь, куда энергию девать? – прошептала Ирина. – Жанночка в кровати ведет себя как бревно?

– Даже хуже, – заводясь от возбуждения, прошептал в ответ Ефремов. – Как холодное бревно.

Ирина легко высвободилась из рук пылкого мужчины, поправила на груди блузку.

– Не будь дурачком, Игорек, и веди себя прилично, – вполголоса сказала она. – Жанка умная баба, по глазам поймет, чем мы тут занимались.

– Когда? – откровенно спросил Игорь.

– В эту среду после обеда к нам прийти сможешь? Муж на сутки уйдет, до вечера я буду свободна.

В среду Игорь сказал на работе, что пошел встречаться с агентурой. По пути он купил бутылку «Советского шампанского» и к назначенному времени был у лучшей подруги Жанны. Черноволосая худощавая Ирина оказалась темпераментной женщиной. После наспех распи-

того шампанского она увела Игоря в спальню и не отпускала до тех пор, пока не настало время забирать дочку из детского сада.

– У меня и мужа раз в две недели графики пересекаются, – прихорашиваясь перед зеркалом, пояснила Ирина. – Если хочешь, мы можем встречаться. Шампанское больше не приноси. Не люблю время зря терять.

– Ира, а откуда ты про Жанку все знаешь? – спросил Ефремов.

– Не будь наивным мальчиком, – улыбнулась Долуденко. – С кем еще делиться секретами, как не с лучшей подругой?

– С подругой обсуждать половую жизнь как-то глупо, – усомнился Игорь.

– Не хочешь – не верь, но запомни: женщины делятся на две категории. Одни любят секс, другие воспринимают его как неприятную необходимость. Как говорится, хочешь вылечиться от простуды – пей горькие лекарства, хочешь быть замужем – терпи раз в неделю, и все будет хорошо. Ты, Игорек, Жанну не расшевелишь. Она фригидна по своей натуре. Если хочешь проверить мои слова, то купи на базаре самиздатовскую брошюрку «Пособие молодым супругам» и попробуй с Жанной все ласки, что там описаны. Эффекта не будет никакого.

Наведя марафет, Ирина отправилась за дочкой. Игорь, уставший, но довольный жизнью, вернулся на работу.

Настал ноябрь 1982 года. На очередной встрече Ирина, выслушав любовника, посоветовала:

– Уходи, и чем скорее, тем лучше. Найди себе порядочную хорошенькую девушку и живи с ней, расписанный или нет, без разницы. Захочешь жениться – женишься, нет – тебя неволить никто не будет.

– А жить где? – спросил Игорь.

– Комнату в общежитии снимешь. Знаешь такую поговорку: «С милым и в шалаше рай»? Не в квадратных метрах дело, а в человеке. Жанна – хорошая бабенка, но для такого пылкого мужчины, как ты, она, конечно же, не подходит. К тому же – Женечка. Я видела, как ты дернулся, когда он тебя папой назвал.

– Ничего не могу с собой поделать! Чужой ребенок для меня никогда не станет родным.

– Тут ты прав. Полюбить всем сердцем неродное дите не каждому дано.

– Что же, – вздохнул Ефремов, – осталось совсем немного: найти милашку вроде тебя и построить шалаш.

– Такую же, как я, не надо, – засмеялась Ирина. – Я – женщина ветреная, мне с одним мужчиной скучно. Кстати, когда ты от Жанны уйдешь, мы встречаться не перестанем?

– Пока не прогонишь, я – твой, – клятвенно заверил Игорь.

...19 ноября 1982 года Ефремов сдал все наработанные им материалы по несовершеннолетним преступникам своему наставнику Буторину. Папку с донесениями Голубевой оставил себе. Ее вербовку он в установленном порядке не оформлял, так что агентурного дела на школьницу официально не существовало.

Перебирая оставшиеся бумаги, Игорь достал фотографию спящей Голубевой, любовался изгибом ее полуобнаженного стройного тела.

«И эта до Нового года срок поставила, – подумал он. – Веселенький декабрь меня ожидает!»

9

В пятницу, в половине пятого, Фриц и Козодоев встретились в фойе школы.

– Ты готов? – с напускным весельем спросил Сергей.

– Всегда готов! – отсалютовал пионерским приветствием приятель. – Не рано идем?

– Самое то! Пошли.

На крыльце школы Козодоев обратил внимание, что на «акцию» Фриц надел валенки с коротко обрезанными голенищами. В такой обуви – легкой, не продавливающей лежалый снег – удобно убегать по узким тропинкам.

Первый дом на улице Волгоградской приятели миновали без приключений. На повороте в глубь дворов Фриц занервничал:

– Серега, ты куда попер? Давай вот здесь сработаем. На кой черт нам далеко от дороги отходить?

– Помолчи немного! Пройдем мимо детского садика и хлопнем первый дом направо. Я уже был здесь и все разведал.

Местом проведения «акции» Сергей выбрал соседний с Кайгородовой пятиэтажный панельный дом. Для себя он решил, что чем ближе к дому подруги Быкова он провернет дерзкое дельце, тем больше возвысится в ее глазах. Мишка-то ни за что не осмелится нарушить договор с Туристом и отклониться от предписанного ему маршрута хоть на метр, а он, Сергей Козодоев, утрет этой волгоградской шпане нос.

– Начнем с первого подъезда, – негромко скомандовал Козодоев.

Уверенно, не останавливаясь на крыльце, ребята поднялись на площадку между первым и вторым этажом. Сергей достал из кармана загнутую крючком проволоку, попробовал вставить ее в миниатюрный навесной замок, но с первого раза не попал в скважину.

«Проклятие! Руки трясутся, – выругался про себя Козодоев. – Ничего, сейчас пройдет. Главное, чтобы Фриц не увидел, как у меня пальцы дрожат».

Сергей покосился на приятеля. Напарник, не обращая внимания на задержку с замками, шустро вскрыл первый ряд почтовых ящиков без замков, проверил почту и нашел два письма.

Козодоев медленно выдохнул и вставил отмычку в замок еще раз. Поворот проволоочки, щелчок! – и первый замочек открылся. Дальше дело пошло быстрее. Простенькие квадратные замки по рубль пятьдесят Козодоев открывал в одно касание, с более мудреными приходилось повозиться, но и они не могли устоять против примитивнейшей отмычки.

– Смотри, Фриц! – давась от смеха, Сергей показал рукой на массивный навесной замок с фигурным отверстием для ключа. – Такой только на амбар вешать, а они на почтовый ящик присобачили.

Приятель мельком глянул в сторону Козодоева и нехотя улыбнулся. Стоять, потешаясь над чьей-то жадностью, можно в безопасном месте, а не в дебрях враждебных домов.

– Оставь его на хрен и пошли дальше! – прошипел Фриц.

В этот момент примерно на четвертом этаже открылась дверь. Сергей жестом показал: «Уходим!» Спокойно, без суеты, которая могла бы выдать в них шкодливых малолеток, парни вышли из первого подъезда и вошли в третий. Сергей достал отмычку и с удовлетворением отметил, что руки перестали трястись. Близкое окончание «акции» придавало уверенности в ее успешном проведении.

Быстро, но без излишней спешки Козодоев и Фриц проверили все почтовые ящики без замков, вытащили три письма. В свободные от замков дужки они повесили замочки, снятые в предыдущем подъезде, и вышли на улицу. До самого бульвара им не встретился ни один подросток старше тринадцати лет – Сергей Козодоев умел правильно рассчитывать время.

– Куда теперь? В двенадцатиэтажку? – спросил Фриц. – Классно мы их сделали! Будет что рассказать.

Перейдя бульвар, Сергей облегченно вздохнул: «Ну, вот мы и дома!»

Двенадцатиэтажный дом, куда направились Козодоев и Фриц, располагался не в микрорайоне их родной пятьдесят пятой школы, а на нейтральной территории, формально относящейся к «Швейцарии». Лет десять назад на месте громадного пустыря строители возвели микрорайон, получивший неофициальное название «Швейцария». Прошло еще пять лет, и городские власти обнаружили, что между «Швейцарией» и бульваром Машиностроителей осталось незастроенное пространство. По новому градостроительному плану на этом месте воткнули три свечеобразные двенадцатиэтажки, гордо возвышавшиеся над пятиэтажным ландшафтом.

Внутреннее устройство новых домов было оригинальным. В просторном холле первого этажа было два отдельных входа. Один вход вел на лестничную клетку, в подъезд, другой – на площадку с лифтами. От лифтов коридоры расходились к квартирам. Из подъезда к квартирам и лифтам попасть можно было только через открытую лоджию. Лестничной клеткой жильцы практически не пользовались, зато молодежь обожала это место. Целый подъезд – без жильцов, без дверей – для посиделок небольшой компании лучше места не придумать.

Все три двенадцатиэтажки со временем были поделены между близлежащими микрорайонами. Первую облюбовали ребята из пятьдесят пятой школы, во второй собирались пацаны из «Швейцарии», а кто захватил третье здание, Козодоев не знал. По устоявшейся традиции двенадцатиэтажки считались «нейтральной территорией», и разборки в духе «Ты откуда? А здесь чего забыл?» у этих домов никогда не происходили.

На лифте Козодоев и Фриц поднялись на последний этаж, через лоджию прошли на лестничную клетку. Несмотря на относительно раннее время, подъезд уже не пустовал. На ступеньках, ведущих на крышу, сидели Шакира и Дималог, двадцатилетний парень, каким-то образом второй год уклоняющийся от призыва в армию. Шакира задумчиво перебирал струны гитары, а Дималог внимательно читал этикетку на бутылке вина.

– Что такие довольные? Где были? – безразличным тоном спросил Шакира.

– На Волгоградской, «акцию» провернули, – сухо, по-деловому, ответил Козодоев.

– Да ну! – хором усомнились парни.

– Фриц, покажи им! – внутренне ликуя от произведенного эффекта, попросил Сергей.

Фриц достал из внутреннего кармана первое попавшееся письмо, прочитал адрес:

– Улица Волгоградская, дом восемь.

– Обалдеть! – восхитился Дималог. – Вот вы их, чмырей, сделали! Шакира, хватит брехать, давай за успешную «акцию» выпьем.

Вожак компании Козодоева оставил гитару, закурил. Дималог зубами содрал пластмассовую пробку с бутылки, сделал несколько глотков из горлышка и послал «огнетушитель»² по кругу.

От выпитого без закуски портвейна Сергей слегка захмелел. Казалось бы, что такое бутылка вина на четверых крепких парней? Так себе, семечки, легкий разогрев перед интересным разговором. Но после рискованной «акции» спиртное воспринимается по-другому. Глоток, второй – и вот оно, приятное чувство легкой эйфории, расслабленность, блаженное тепло, мягко растекающееся по всему телу.

– Смотрите, что я на этикетке прочитал, – сказал Дималог. – «Произведено в городе Агдам Азербайджанской ССР». Это что, получается, в Азербайджане в честь вина целый город назвали?

² «Огнетушитель» – бутылки вина из толстостенного стекла емкостью 0,75 л.

– По фигу! – отмахнулся Шакира. – Пацаны, как «акция» прошла? На местных не напорились?

Об увлекательном приключении первым коротко рассказал Козодоев. По мере того как в подъезд подтягивались остальные ребята и девчонки, рассказ пришлось повторить еще несколько раз. Опыневший после второй бутылки Фриц стал описывать запоздавшим приятелям скоротечную «акцию» как небывалый по дерзости подвиг:

– Мы выходим из подъезда и видим: стоят волгоградские, кучкуются, человек двадцать, не меньше. Я говорю: «Серега, не дрейфь! Идем спокойно, как будто мы местные. Пока они чухнутся, мы за угол зайдем и ноги сделаем».

Одними из последних пришли Савченко и незнакомая белокурая девушка. Вася глазами показал Козодоеву: «Твоя!» Сергей улыбнулся девушке, встал с ней рядом и через несколько минут уже обнимал ее.

– Все собрались? – спросил Шакира. – Начнем читку. Сколько вы писем добыли?

Фриц достал из кармана конверты.

– Восемь. Одно толстое, из Новосибирска. Наверное, кто-то всю свою биографию изложил.

– Корень, у тебя дикция хорошая, тебе начинать! – предложил Шакира.

Парни и девушки расселись на ступеньках, Корень встал перед ними, вскрыл первый конверт.

– Письмо из Омска, – начал он. – «Дорогая сестра Нина!..»

Пока Корень нудно зачитывал послание одной старухи другой, Сергей успел прошептать новой подруге пару комплиментов и слегка чмокнуть ее в щеку. Второе письмо было таким же неинтересным, третье больше походило на производственный отчет.

– С БАМа какой-то чувак родителям пишет, – прокомментировал это послание Корень. – Видать, у него от мороза совсем мозги отсохли, если он отцу с матерью только о трудовых успехах рапортует и ничего – о себе.

– Да нет! – подал голос Витек Туманов. – Тут не все так просто. Мне кто-то говорил, что всю корреспонденцию с БАМа проверяют, чтобы рабочие правду о стройке не писали. Из армии же солдатские письма цензор просматривает, вот на БАМе то же самое.

– Давай дальше! – загудела толпа. – К черту этого передовика производства! Там из армии письма нет? В прошлый раз классно было. В начале письма он ей в любви объяснялся, а в конце угрожать стал: «Не дожدهшься – прибыю!»

– У меня во рту пересохло. – Корень протянул письмо соседу: – Читай ты.

Козодоев, уже прилично захмелевший, расслабился после недавно перенесенного стресса, обнял девушку, закурил. Содержимое остальных писем его не интересовало. Новая подружка вскружила ему голову своей податливостью: «Эта Светочка Ушакова – классная чувиха! Полчаса, как познакомились, а она уже сама губы для поцелуев подставляет».

– Это открытка! – вскрыв конверт, объявил Леня Чесноков.

– Что нарисовано? – спросили пацаны.

– Мост разведенный. Ленинград.

Леня показал сидящим перед ним приятелям открытку и прочитал первую строку:

– «Любимый мой Котик, поздравляю тебя с днем рождения!»

Все дружно засмеялись. Начало послания было не смешным, но от предыдущих скучных писем ребята устали, им хотелось посмеяться хоть над чем.

– Котик, мать его! – обхохотывался Шакира. – Котик, если ты будешь себя плохо вести, я тебя с этого моста в реку скину! Что там дальше, Леня?

С первых ступенек вверх, где сидел Козодоев с подругой, передали пустой конверт. Обычно все участники посиделок брали с собой или одно письмо, или один конверт, которые,

расходясь по домам, рвали на мелкие кусочки и выбрасывали по дороге. Всю пачку писем целиком не отправляли в урну никогда.

Взяв конверт, подписанный своеобразным женским почерком, Сергей вначале свернул его пополам, сунул в карман, потом, словно что-то вспомнив, достал, всмотрелся в буквы и цифры и обомлел.

– «В этом послании я не буду желать тебе ничего, – продолжил чтение открытки Чесноков. – А вот когда мы встретимся, ты узнаешь, как я по тебе соскучилась. Мой лысый боров уедет в ближайшее время. Любимый мой Котик! Сейчас мы с тобой, как пролеты этого моста, разъединены, но пройдет совсем немного времени, и мы соединимся. Люблю, целую, твоя Р.».

К концу чтения Сергей почувствовал, как каменные ступени под ним растворились и он полетел вниз, в бездонную холодную пропасть. Вся его прошлая жизнь была в одночасье перечеркнута. Все, чего он добился на улице: авторитет среди сверстников, благосклонность девушек, заслуженная слава после дерзких «акций», – все пошло прахом. Был он, Сергей Козодоев, начинающим лидером в своей компании, а стал всеми презираемым изгоем.

– Дай посмотреть, что там за открытка! – попросил Савченко.

Послание пошло по рукам, ненадолго задержалось у Козодоева. За те секунды, что открытка была у Сергея, он с фотографической точностью запомнил ее лицевую сторону и женский почерк, так мило обещавший некоему Котику неземное блаженство. Оставить открытку себе Козодоев не мог. Любое действие, выходящее за рамки устоявшегося порядка уничтожения прочитанных писем, могло вызвать нездоровое подозрение: «Чего это ты так заинтересовался какой-то открыткой? Знакомая, что ли, пишет?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.